

A manga-style illustration featuring two characters. On the left, a young woman with long, blonde hair styled in a braid and bangs, wearing a blue, short-sleeved, form-fitting dress, sits on a blue chair. On the right, a young man with short, blonde hair, wearing a grey t-shirt, sits on a red, ornate chair. The background shows a cityscape through a window. The text 'Элиан Тарс' is at the top, and the title 'Аномальный Наследник Аристократ' is at the bottom.

Элиан Тарс

**Аномальный
Наследник
Аристократ**

Аномальный наследник

Элиан Тарс

**Аномальный
Наследник. Аристократ**

«автор»

2023

Тарс Э.

Аномальный Наследник. Аристократ / Э. Тарс — «автор»,
2023 — (Аномальный наследник)

Приключения Его Высочества простолюдина Аскольда Сидорова продолжаются. До получения титула аристократа остаётся всего полшага, а также необходимо арендовать земли в Сибири и начать искать тайгий. Но у Оболенских много проблем, и Аскольд не может отнестись к этому равнодушно. А тут ещё и собственные проблемы подъехали...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Элиан Тарс

Аномальный Наследник. Аристократ

Глава 1

После того как императрица с кортежем покинула «Алую Мудрость» и суета, вызванная визитом венценосной особы наконец утихла, я отправился в гости к Софье с фруктами и сладкими лакомствами, которые мне подвезли ребята.

Младшая княжна Выборгская тоже подготовилась к встрече. Когда передо мной распахнулась дверь номера, я увидел Софью в нарядном алом платье, а за её спиной, в гостиной, стол, сервированный на двоих.

По внешнему виду девушки нельзя было сказать, что ей нездоровится.

– Вы не стесняетесь принимать мужчину в своём номере без служанки? – спросил я, когда понял, что в номере мы только вдвоём.

– Я верю, что мужчина, которого я принимаю, достойно воспитан и не позволит себе компрометировать девушку ни словом, ни делом, – ответила она невозмутимо, а затем улыбнулась.

За обеденным столом я рассказал Софье, как прошла встреча с императрицей. Троекурова слушала внимательно и буквально ловила каждое слово, вылетающее из моих уст. Временами её лицо принимало грустное выражение. Опечалена, что пропустила столь важное событие? Ей правда было так плохо утром?

На эти вопросы я так и не нашёл ответа. Как и на тот, скрывает ли Софья что-то. Но это никак не поколебало моё к ней доверие. У каждого могут быть секреты, которыми он не в состоянии поделиться даже с близкими.

Захочет – сама расскажет.

Я же поделился с ней забавным тестом, который мне устроила императрица.

– Хм... – Софья нахмурилась. – И как, Её Величество осталась довольна вашими ответами?

– Мне показалось, что да. А ещё пожелала процветания нашему с вами будущему роду.

– Нашему? – опешила Троекурова.

– Вообще-то моему, – пояснил я. – Но ведь я буду создавать свой род с вами.

– А, ну да... – мечтательно произнесла девушка, а затем опомнилась и хитро улыбнулась: – Я ещё не дала вам положительного ответа.

– Я помню, – серьёзно кивнул я, – И с нетерпением ожидаю услышать, каким именно будет ваше «да».

– Вы не меняетесь, Аскольд Игоревич, – покачала головой Софья.

– И я считаю, что это плюс, – хмыкнул я в ответ.

После ужина Софья неуверенно посмотрела на меня, отвернулась на три секунды, а затем твёрдо спросила:

– Аскольд Игоревич, есть ли у вас планы на вечер?

– Хм... – напоказ задумался я. Часть дел я уже решил по телефону, а остальные отложил. – Разве что провести время в компании самой прелестной девушки на свете.

Троекурова смущённо улыбнулась.

– Если я могу претендовать на этот титул, тогда предлагаю вам посмотреть вместе фильм. Знаете, когда я одна, у меня не находится времени на подобные развлечения.

– Но иногда, в приятной компании, почему бы и не отдохнуть, – продолжил я её мысль.

Фильм Софья приготовила заранее. И по какому-то странному стечению обстоятельств на коробке DVD-диска было написано «Зорро». Сначала Юля советует посмотреть его Арвину, теперь вот Софья мне предлагает.

У местных княжон фетиш на мужчин с усиками и в масках?

Шутки-шутками, но фильм действительно оказался неплох. Мы смотрели его, привалившись друг к другу на диване. Софья укрыла наши ноги пледом... Старалась при этом выглядеть уверенно, но лёгкий румянец выдавал её смущение.

Ну а потом мы тепло попрощались, и...

Собираясь уходить и стоя уже возле двери, я таки не удержался и поцеловал её на прощание со всей страстью. Лишь спустя пять минут Троекурова смогла собраться с силами и осторожно оттолкнула меня, сбивчиво проговорив что-то о подготовке к полёту в Выборг – мол, завтра утром летит.

Там и поговорит с отцом о моём предложении.

– До понедельника, Софья Антоновна, – бодро произнёс я, поправив одежду.

– До понедельника, Аскольд Игоревич, – улыбнулась она.

Я вышел в коридор общежития и не встретил ни одной живой души, пока не спустился в холл первого этажа.

Следующий день, субботу, я посвятил работе – проектов много, хоть по чуть-чуть, но нужно каждому уделить внимание. Большинство этих дел можно решить дистанционно, но на «стройку» съездить пришлось лично.

Плюс тренировки я не забрасывал. Самому нужно становиться сильнее, да и новоявленных воителей альтеры тренировать. А в общем зале на базе с ними не позанимаешься, нужна конспирация.

Спасибо Канцлеру за усадьбу и за то, что на её территории есть собственный тренировочный зал.

Воскресенье прошло примерно в том же русле, что и суббота: сначала пара выездов, затем бумажные дела в рабочем кабинете в особняке. Вечером в рамках практических занятий по изучению иностранных языков я читал статью на английском языке. Писали, что объединённый флот Британской империи, состоящий из кораблей метрополии и Британской Америки, прибыл в Южно-Китайское море, чтобы «нести возмездие во имя Святой Британской короны». А в некоторых русских газетах эту акцию называют открытой агрессией.

Задумавшись, я перевёл взгляд с экрана монитора на огромного двуглавого орла. Статуэтка, подаренная за чемпионство на всеимперском турнире, удивительно гармонировала с интерьером моего кабинета.

Южно-Китайское море... Алиса упоминала, что наёмнический отряд, напавший на Оболенских, сейчас официально находится в Индокитае по поручению британского клана Элфорд. Нда... а англичане не успокаиваются. Едва закончилась война за независимость Америки – объединили силы с бывшими повстанцами и полезли в Южную Азию.

Серьёзные ребята...

Мои думы прервали трели телефона. Я взял со стола смартфон и напрягся.

«Короткий» – сообщил определитель номера.

Жентос Короткий, он же Евгений Шорт, один из моих Наставников. Сегодня он сопровождает братьев во время выезда на тренировочную базу. Там Боря с Глебом оттачивают навыки сражения с обладателями живы.

Чуть выше на экране было показано текущее время «18:22». Как раз сейчас Короткий должен был привезти парней домой в особняк.

– Что случилось? – быстро спросил я, нажав кнопку ответа.

– Господин, некий аристократ сейчас беседует с Глебом и Борисом рядом с усадьбой, – с ходу выдал причину своей тревоги Короткий.

Запустив руку в верхний ящик стола, я пулей вылетел из кабинета.

– Подробности. Кратко, – на бегу велел я.

– Нам замигала фарами встречная машина, когда мы подъезжали к усадьбе. Я проигнорировал согласно инструкциям. Тогда машина нагло преградила нам дорогу. Таранить не стал, посчитав риск неоправданным. Из машины вышел аристократ, Глеб узнал его. Больше агрессии проявлено не было, он вежливо предложил братьям побеседовать.

– Чудинов? – прошипел я, когда бежал к воротам.

– Эм... да. Вроде так Глеб его назвал.

– Понял. Без лишних движений. Конфликт нам ни к чему.

Я сбросил вызов.

Люди Годунова решили-таки обострить ситуацию.

Но нужно ли мне выходить? Могу я доверить беседу со взрослым аристократом, явно опытным в манипуляциях и провокациях, двум подросткам-простолюдинам?

Ответ напрашивается сам собой...

И потом, даже если меня там не будет, через братьев люди Канцлера смогут до меня добраться.

Но главное – мне не хочется, чтобы парни остались без поддержки, если этот урод решит их вывести.

Я должен быть рядом.

– Открывай! За мной не лезь! – издали крикнул я охраннику. И тот резво бросился к калитке.

Оказавшись за забором усадьбы, я сразу увидел две машины и группу мужчин: Чудинова, беседовавшего с братьями в пятидесяти метрах от меня; Короткого, настороженно наблюдавшего за ними чуть издалека; ещё двух мужиков, стоявших возле автомобилей.

Но что удивительно, на улице были и другие люди. Да, иногда по тротуару вдоль дороги прогуливаются аристократы или их Слуги. Но ни разу на моей памяти на улицах нашего закрытого кварталчика не было столь оживлённо.

Форкхово дерьмо...

– О, Аскольд, добрый вечер! – увидев меня, помахал рукой Чудинов. – Не присоединитесь к нашей беседе?

Я подошёл ближе, кивнул братьям. Оба были сильно напряжены.

– Здравствуйте, Георгий Максимович, – сдержанно произнёс я.

– А почему так холодно? – улыбнулся Чудинов и протянул мне руку.

Желание сжать его кисть альтерой было сильным, но я мгновенно подавил это подростковое буйство гормонов.

– Ваш водитель своей опасной ездой напугал моего товарища, – сказал я ровно, ответив на рукопожатие.

– А, прошу прощения за это недоразумение. Уж очень мне хотелось побеседовать с кем-нибудь из вашей семьи. А тут увидел машину и не смог удержаться, – с деланным добродушием произнёс Чудинов.

Повторяется...

Ну да Форкх с ним.

– И что же вас настолько взбудоражило, что вы были готовы нарушить правила дорожного движения? – с улыбкой спросил я. Раз уж у нас тут разговор в стиле «добрых товарищей», подыграю гаду.

– Взбудоражило? – переспросил он, – О да... Это слово подходит как нельзя иначе. Знаете, меня безумно будоражит ваша тётя, Аскольд, Борис. Ваша мать, Глеб, бесконечно прекрасная женщина.

– Спасибо, – процедил Глеб.

– Последнее время я думаю только о ней, – продолжил заливаясь соловьём мерзавец, – о её будоражащей фигуре, её дивном личике. Она дважды отвергла моё приглашение на свидание, но я не собираюсь сдаваться. Я покорю её прелести!

– Георгий Максимович, не стоит говорить такие вещи в нашем присутствии, – произнёс я, выпустив немного Ауры.

– А? – сбился он. – Отчего же? Очень даже стоит. Я не скрываю, что хочу обладать Мари. Она не сможет мне противиться!

Краем глаза я уловил, что братья едва держатся.

– Георгий Максимович, – повторил я, добавив ещё Ауры. – Настоятельно прошу, давайте не будем обсуждать это.

Он поджал губы, его тело пробил лёгкая дрожь.

Форкх меня дери... Чудинов пытается сопротивляться моей Ауре. Да, я сдерживаюсь. Да, я использовал её на нём раньше.

Но он всё равно должен испытывать страх.

И ведь испытывает, я вижу. Но... как-то странно борется. Без достоинства...

Форкхово дерьмо! Да его накачали своим подобием Ауры Годуновы!

– Я... Я... я добыю её! Вот увидите! Скажу ей, что если согласится со мной пойти в ресторан, больше не стану ей этого предлагать, – зачастил Чудинов.

Я же вновь добавил Ауры, чтобы выбить из него «восхищение» Годуновыми.

– А потом... она согласится, – взгляд Чудинова стал безумным. – И когда мы будем одни, я возьму её! Слышите! Если она начнёт сопротивляться, значит, пойдёт против воли аристократа! У неё не будет выбора! Я возьму её! Прямо в рест...

Я почувствовал, как альтера собирается у кулака Бори. Я увидел, как дернулась рука Глеба...

Гнилые чресла Форкха, садомирующие сарнитов!

Моя тяжёлая ладонь, не усиленная какой-либо энергией, звучно хлопнула по щеке провокатора.

Чудинов схватился за опалённую щеку, попятился и уселся на задницу. Полными ужаса глазами он смотрел на меня.

– П...простолюдин ударил аристократа! Ударил аристократа! Ударил!!! – обезумевшим голосом завопил Чудинов. – Хе-хе! Ударил...

Снег под ним окрасился в жёлтый. В тот момент мне стало ясно, что вряд ли когда-нибудь эта мразь ещё сможет выполнить чьё-нибудь секретное поручение. Каким бы хитрым и изворотливым ни был Чудинов – воля его слаба. Психика не выдержала две противоборствующие Ауры.

– Простолюдин напал на аристократа!

– Звоните в полицию!

– Оставайся на своём месте, Сидоров, иначе будет хуже!

«Случайные» прохожие подняли шум и неуверенно начали брать нас в полукольцо.

– Аск... прости... – прошептал Глеб.

– Ты... вперёд меня... – изумлённо выпалил Боря.

Да, я не мог остановить их двоих. Да даже если бы получилось – атакующее движение Глеба или Бори «зрители» бы увидели. А этого достаточно для суда.

И агрессию братьев суд всё равно мог бы повесить на меня, ибо мы с ними официальная семья, а мой социальный статус выше.

Так что зачем парней подставлять? Я за них и так в ответе.

– Не нужно, вы молодцы, – тихо произнёс я, вновь выпуская Ауру, чтобы приободрить братьев и слегка отпугнуть «зрителей». – Глеб, – на грани слышимости обратился я к кузену. –

Расскажи о том, что произошло Вадиму, передай это, – я незаметно сунул в карман его куртки диктофон. – Вели не делать глупостей. И пусть позвонит Арвину.

Он знает, что делать.

Ведь мы всё это предвидели.

– Короткий! Бери братьев и поезжай в усадьбу! – повысив голос, велел я.

– Оставайтесь все на своих местах! – крикнул мужик, стоявший недалеко от водителя Чудинова. Он уже успел кому-то позвонить. Очевидно, полиции.

– Да! Не дёргайтесь и ждите полиции!

– Они здесь ни при чём! – рявкнул я, сделав шаг вперёд. Я разогнал Ауру до доступного без визуализации максимума. – Вы сами видели! Они просто стояли рядом! Или что, скажете это не так?

«Зрители» попятились. Ну а Чудинов, так и сидевший в собственной луже, безумно захихикал.

– Пусть... уходят, – выдавил из себя «друг» Чудинова.

Глава 2

Как заставить равного себе искренне захотеть сделать то, что он делать не хочет? Ответ – никак. Действительно равный будет видеть насквозь все уловки и останется при своём мнении.

Но, естественно, как равного Канцлер меня уж точно не воспринимает. Для него я подросток-простолюдин. Да, аномальный в плане силы и умственных способностей. Да, знакомый с представителями высшей аристократии, которые могут в некоторых ситуациях помочь советом.

Но при этом всё равно подросток-простолюдин. Будь Аскольд Сидоров при всех его достижениях потомственным аристократом, воспитанный по всем канонам – воспринимали бы его совсем иначе.

Но даже и тогда, разумеется, он не был бы ровней в глазах Канцлера.

Но если бы я был аристократом, заманить меня на Золотой Курс пытались бы без всяких уловок. Просто бы посулили золотые горы отцу-аристократу, и тот бы повлиял на сына.

Обычно до полного совершеннолетия аристократ не может выйти из рода. А вот после – получает такое право. Но используют его крайне редко – человеку, которому с детства привили ценность кровных связей, сложно эти связи порвать или даже ослабить. Да и к тому же другие аристократы на таких выходцев смотрят косо.

И всё же я стал интересен Канцлеру. И тот попытался склонить меня к военной службе во благо империи. Откровенно говоря, выбор средств в этой ситуации даже у Канцлера был ограничен. Использовать максимально сильное прямое давление в духе прямых угроз или взятия заложников (типа убьём твою родню, если откажешься) – недопустимо. Заложники могут умереть своей смертью или в результате несчастного случая, и тогда армия получит озлобленного обезумевшего Гуру.

Так что выбрать откровенно насильственный путь – недальновидно. Эффективнее заинтересовать – пообещать всё те же золотые горы. И ведь так и было! Это настолько естественный ход людей Канцлера, что я даже не обращал особого внимания – мне несколько раз звонили из «Военного университета»: рассказывали о жаловании офицеров, о возможностях карьерного роста, о том, что, в конце концов, даже генерал-губернатором можно стать. Тёте и братьям подкидывали листовки, рассчитывая, что они повлияют на меня.

Рутина. Я не повёлся. Тогда и оставалось действовать хитростью, в надежде, что я не додумаюсь, что за всем этим стоят люди Канцлера.

Притом я прекрасно понимаю, что для Канцлера я хоть и полезное приобретение, но тратить на мою вербовку колоссальные ресурсы он не намерен, хватает более приоритетных дел. И в конечном итоге, если я всё же ускользну из его лап и не пойду на Золотой Курс, Канцлер мало что потеряет. Ведь я всё равно остаюсь подданным империи – в случае тяжёлой войны с другим государством мне придётся защищать свой дом. Ну а в мирное время, я как минимум плачу налоги в казну.

Единственное, что теряет Канцлер – моё хорошее мнение о нём. Но если бы Годуновы боялись негативных отзывов, не просидели бы у власти четыреста лет.

В общем, после того как я проигнорировал заманивание в армию плюшками, у Годунова оставалось мало вариантов. Мы с Арвином понимали, что моё слабое место – мои люди. Но трогать наёмных работников как-то уж совсем странно. Значит, остаётся семья.

К братьям в класс перевёлся новенький, который восхищался мной и рассказывал Глебу с Борей, как здорово быть имперским офицером, и что у меня обязательно это получится.

Но... После того как мы переехали в усадьбу, я разрешил братьям ходить в школу по желанию при условии, что они будут заниматься дома и демонстрировать мне свои знания. Можно было вообще запретить им посещать школу как потенциально опасное место... Но я

не из тех, кто станет ограничивать свободу передвижения близким. К тому же потенциальные опасности – полезный опыт.

В общем, агитация через братьев тоже провалилась. Хотя главная цель агитации – всё же создать общий информационный фон и воздействовать на подсознание. Но со мной такое не проходит.

Мы с Арвином и Архуном обсуждали какие ещё варианты может применить Годунов. Понятно, что главной пешкой был Чудинов. И тут на сцену выходит моё подвешенное состояние. Так-то это вообще редкая небывальщина, чтобы в семье простолюдинов несовершеннолетний стал Претендентом. С одной стороны, из-за возраста я нахожусь под опекой тётки. С другой стороны, тётка и братья находятся под моей опекой из-за социального статуса. Вот такой вот юридический казус. Как говорится, закон – что дышло. Можно использовать в обе стороны. Так что если бы вдруг тётка согласилась на быструю свадьбу с Чудиновым, мы с братьями могли бы стать Чудиновыми. Для старых родов принятие в род подобным образом (без общей крови с главой рода) – неприемлемо. Но Чудиновы средненькие дворяне, и принятие прошло бы не в правящую семью. Таким образом, я мог бы стать аристократом, но был бы вынужден подчиняться главе рода до своего полного совершеннолетия.

Но, к счастью, тётка не наделала глупостей. Хотя риск был очень велик, ибо братья тоже бы стали аристократами, а не только я один. Это могло её подкупить.

Рассматривали и вариант, что кого-нибудь из семьи могут похитить подставные лица, и, до того как я среагирую, освободить бравые имперские офицеры. Эдакая демонстрация удали и благородства. И всё та же агитация через родственников.

И, конечно же, знали мы о варианте с провокацией и подставой. Причём неважно, кто бы из семьи подставился, благодаря юридическому дышлу можно повесить всё на меня.

Но я был предупреждён – а значит вооружён. Честно говоря, я рад, что люди Канцлера разыграли всё именно так. Не подловили братьев где-нибудь в городе, не зажали тётку, когда она была без присмотра...

Я был готов к провокациям, особенно после того, как уже однажды побывал в суде, пусть и в качестве потерпевшего. Да, как всегда, надеялся на лучшее, но знал, что делать, если люди Канцлера всё же не успокоятся после мирных агитаций и решат обострить ситуацию на негативе.

Размышляя обо всём этом, я сидел в камере. Выглядела она гораздо хуже моего прошлого «роскошного номера». Серые стены, воняющий канализацией толчок, жёсткая кровать.

Но главный минус – внутри этого унылого помещения я не чувствовал жизни. Артефакты, создающие такой эффект, стоят невероятно дорого и, насколько мне известно, требуют постоянной подпитки. Так что хоть этого и не скажешь по интерьеру, но на моё содержание изрядно раскошелились.

Тяжело вздохнув, я закинул ногу на ногу и уставился на грязный бетонный потолок. Готовы-то мы готовы... Но не хотелось бы использовать все козыри. А одной записи Чудиновских угроз изнасилования и наличия в группе поддержки наследного княжича может всё-таки не хватить, чтобы завернуть дело.

Придётся «вскрывать карты»?

Хех... Форкх деря этого Канцлера, всю романтику мне порушил. Не хотелось бы, чтобы Софья приняла моё предложение в текущих условиях. Но она не оставит меня в беде, в этом я уверен. Когда она объявит во всеуслышание, что станет моей невестой (а скажет она в духе «уже приняла несколько дней назад»), я автоматически перейду под защиту князя Выборгского. И отвечать за мои проступки (с момента принятия предложения) будет он, как если бы Чудинову дал по роже, например, Слуга Троекуровых. Против самого князя Чудиновы даже при поддержке Канцлера не пойдут. А если и пойдут, максимум что получают – деньги. Ну а виру князю я возьмешу.

И всё же не хочется прятаться под юбкой. Но семья на то и семья, чтобы защищать друг друга. А мы с Софьей планируем стать семьёй.

Имеется и другой способ – великие князья Оболенские. У меня есть право просить у великой княгини что угодно. А у её семьи передо мной долг жизни. К счастью, в этом мире это не пустые слова. Объявив о долге жизни в суде, великая княгиня автоматически возьмёт на себя все претензии в мой адрес. Получится ровно та же ситуация, что и с князем Выборгским. Но не до свадьбы, а до тех пор, пока мы с великой княгиней не решим, что долг погашен.

Вообще, мог бы прикрыть себя этим долгом заранее, но не хотел лишний раз светить то, что помогал Оболенским. Иначе уже не Канцлер, а враги Оболенских могли бы нацелиться на мою семью.

Правда, есть вероятность, что Канцлер догадывается о том, что один из бородачей-спасителей – это я. Однако помешать представителям высшей аристократии отдать долг жизни он не вправе.

Кстати, бояре Морозовы тоже должны мне жизнь. Но возможность прикрываться ими я никогда не рассматривал. Хоть они и бояре, они слабы. Нечего на них вешать свои проблемы. Князья даже в состоянии войны куда более могущественные и влиятельные персоны.

Ну и третий козырь... Очередной традиционно-правовой казус, который мы подготовили, но... Там совсем странная защита от Арвина, и, надеюсь, она так и не понадобится.

Хотя, надеюсь, мне вообще не придётся использовать козыри.

Раздался щелчок – окошко на двери открылось, и я увидел лицо охранника:

– Подойди к дальней стене и заведи руки за спину. Без фокусов, чемпион.

Уже допрос? Быстро. Не прошло и сорока минут, как меня закрыли в камере. А ведь сегодня воскресенье. Поздний вечер. Чего людям не спится?

– Понял, командир, – отозвался я.

За спиной заскрежетала металлическая дверь.

– Зря ты, парень, аристократу по шам зарядил, – проговорил охранник и защёлкнул наручники на моих запястьях. – Тебя ж такое будущее ждало...

– Думаете? – через плечо спросил я.

– А то ж. Твои успехи разве что ленивый не обсуждал. Идём.

Фанат-простолудин? Или тоже человек из дружины Хранителей? Так-то в этот раз меня «определили» в полицейское управление третьего северо-восточного района Москвы – ближайшее к моей усадьбе. И все местные служивые – полицейские, а не дружинники.

– Мой тебе совет, чемпион. Послушай старика и не ерпенься. Может, удастся выпутаться.

– Спасибо, – отозвался я.

В коридоре к конвою присоединились ещё двое дежурных. Мы прошли двадцать три метра, и меня завели в комнатку с простеньким интерьером: скучные бетонные стены, а из мебели только стол и два стула. Меня посадили там, где к столу крепилась металлическая штанга. Отцепили наручники с левой руки, протянули цепочку под штангой и вновь защёлкнули замок.

Артефактные наручники чёрного цвета. Красивые. Далеко не в каждом боярском роду такие имеются. У Морозовых, например, таких нет.

Спустя минуту охранники оставили меня в гордом одиночестве. К счастью, ждать пришлось недолго. Ещё через три минуты в допросную вошла молодая женщина в длинной серой юбке и приталенном пиджаке.

Глава 3

– Добрый вечер, Аскольд Игоревич, – грудным голосом проговорила она. – Меня зовут Наталья Ивановна Спицына, сегодня я буду вашим имперским защитником.

И добродушно улыбнулась.

Красивая, зараза – тёмно-русые пышные локоны спускаются на внушительного размера грудь, большие и ясные глаза смотрят с теплотой и нежностью, трепетные губы влажно бликуют в тусклом свете лампочки.

Хех... А мы с Арвином всё думали, какого Форкха люди Канцлера до сих пор не подослали ко мне агентку-обольстительницу? Рабочая же тактика. Или мои «Райские кущи» намекнули им, что меня не так просто совратить? Что красивая женщина не сможет нежностью и страстью вложить в мою головушку «правильные» мысли?

А зачем тогда сейчас? Решили пойти на последний штурм и использовать все методы?

– Очень приятно, – ровным тоном ответил я.

Четыре секунды она пристально смотрела на меня, а затем открыла блокнот, пробежалась глазами по записям и перевернула страницу на чистую.

Снова посмотрела на меня. А я что? Сiju – жду. Разыгрывать испугавшегося зайца не планирую.

– Аскольд Игоревич, – наконец произнесла защитница, – ситуация, в которой вы оказались, весьма сложная. Но будьте уверены, – ее голос вновь потеплел, – я здесь, чтобы помочь вам. Чтобы отстоять ваше доброе имя. Расскажите, почему так вышло, что столь выдающийся молодой человек, как вы, ударил аристократа?

– Я никого не бил, – пожал я плечами.

– А? Свидетели утверждают обратное. Прошу вас, Аскольд Игоревич, будьте со мной откровенны.

Профессионализм выше всяких похвал. Эта Наташа настолько умело использует женские чары, что и более взрослые люди, чем семнадцатилетний юноша, могли бы повестись. Тон, дыхание, взгляды. Как она схватила себя за указательный пальчик, будто на самом деле волнуется за меня.

Прости, детка, Софья меня, конечно, завела в пятницу, когда мы прощались, и Веронику я не заряжал несколько дней, но уж в такой момент мне хватит умения сдерживать подростковые гормоны.

– Видимо, свидетели ошибаются, – всё так же спокойно проговорил я. – Мой знакомый – Георгий Максимович Чудинов, похоже, слишком переутомился на работе. Он начал говорить странные, дискредитирующие его вещи. Вот я и попытался привести Георгия Максимовича в чувства.

– Странные, дискредитирующие вещи? – заинтересовалась женщина и черкнула пару слов в блокнот.

– Открыто заявил о своём намерении изнасиловать мою тётю, пользуясь своей принадлежностью к привилегированному сословию, – холодно пояснил я.

Наталья замерла, а затем добродушно улыбнулась:

– Вы, должно быть, что-то не так поняли, Аскольд Игоревич. Этого не может быть, Георгий Максимович...

– У меня есть аудиозапись его угроз, – перебил я «защитницу».

– У вас? Как это возможно?

Вопрос понятен. Я как был в домашней рубашке и штанах, так в них до сих пор и хожу – даже куртку не взял, когда выбегал на улицу. А когда меня «принимали» в отделении, хорошенько прощупали все карманы.

– Записал на диктофон. В данный момент он у княжича Новочеркасского, – спокойно ответил я. – И поверьте, княжич не станет хранить эту запись на полке, если я окажусь в беде.

– У вас очень близкие отношения с наследным княжичем Новочеркасским?

– Бывшие противники иногда становятся лучшими друзьями.

– И всё же сложно поверить, что на этой записи зафиксированы открытые угрозы... – покачала она головой.

Скорее всего, Чудинов должен был действовать несколько тоньше. Но борьба двух Аур внутри него заставила мерзавца идти к поставленной Годуновым цели максимально прямо.

– Хорошо, допустим, – спустя одиннадцать секунд тишины сказала защитница. – Но, Аскольд Игоревич, – хлопнула она ресничками. – То, что видели другие аристократы, тоже играет важную роль. Некоторые свидетели утверждают, что вы подняли руку не просто на Георгия Максимовича, а на устои империи! А это... это очень серьёзное обвинение.

Она положила свою руку на мою ладонь.

– Аскольд Игоревич, я... я ваша защитница и верю вам. Я не думаю, что суд на самом деле посчитает пощёчину Георгию Максимовичу, который говорил такие гадости, равной измене родине, но и закрыть глаза на показания свидетелей-аристократов суд не сможет. А если род Чудиновых решит, что его рассудок помутился именно после вашего удара? Аскольд Игоревич... суд может отправить вас на каторгу. Пять... а может, и десять лет. Заставит выплатить виру! А другие аристократы будут недобро смотреть на ваших родных и видеть в них тех, кто тоже может пойти против устоев.

Форкх дери эту актрису. Как же здорово играет. Интересно, она когда-нибудь снималась в кино? Искренность и достоверность выше всяких похвал.

– Ужасные вещи вы говорите, – вздохнул я. – Будто бы суд вообще не попытается разобраться, кто прав, а кто виноват.

– Попытается, Аскольд Игоревич! Конечно же, попытается! Но наша с вами задача ему помочь. Легче всего опровергнуть обвинение в измене родине. Вы ведь желаете нашей империи процветания?

– Конечно.

– Вы должны донести эту мысль до суда и всех, кто будет присутствовать в зале! Заявите об этом громко! И подкрепите намерениями.

– То есть? – спросил я, хотя и так прекрасно понимал, куда она клонит.

– Сообщите, что желаете послужить империи верой и правдой! Победа на всеимперском турнире подарила вам уникальный шанс поступить на Золотой Курс – воспользуйтесь им! Кроме того, что вы обелите своё имя и имя своей семьи в суде, вы получите блестящее будущее. Вы ни в чём не будете нуждаться, станете офицером и дворянином, обретёте влияние в обществе и армии, а заодно сможете защитить себя и свою семью от многих недоразумений.

– Звучит заманчиво, – хмыкнул я.

– Вы согласны?

– Я подумаю.

– Думайте, Аскольд Игоревич, но времени у вас мало, – проговорила она проникновенно и заглянула мне в глаза. – Я буду молить богов, чтобы они вам помогли. Но даже боги отвернутся от вас, если вы сами себе не поможете. Во время судебного заседания я сделаю всё от меня зависящее, но и вы приложите усилия. А... когда вас оправдают, я от всей души поздравлю вас!

– А заседание когда?..

– Ориентировочно через полтора часа, – невозмутимо ответила «защитница».

Форкх меня дери! В воскресенье, почти ночью? Они там совсем с ума посходили?

– Дежурный судья с помощниками уже готовятся к заседанию, они вполне справятся с этим делом, – добавила женщина.

– А провести расследование?

– Свидетельские показания – единственная улика. Этого достаточно, ни к чему разводить бюрократию там, где этого не нужно.

Мда... а ведь я думал, меня будут мариновать в камере несколько дней. А вон оно как...

– Моей тётке сообщили? Не может же суд судить несовершеннолетнего без опекуна.

– Я обязательно прослежу, чтобы ваша тётя прибыла к началу судебного заседания.

За доставку тётушки я не переживал, с ней Арвин. А раз так, значит, несмотря на поспешный суд, у нас до сих пор всё под контролем.

Вот только придётся ли использовать козыри? И успеют ли приехать Софья и Оболенские? А то, коли дойдёт до козырей, не хотелось бы использовать ту третью заготовку, которую мы разработали с Арвином.

Об этом я продолжал думать спустя восемьдесят шесть минут, когда меня вели по переходу в зал суда.

Надеюсь, Канцлер действительно пошёл ва-банк. А раз так – пора покончить с этим.

* * *

Зал суда был похож на тот, в котором мне уже довелось побывать в январе, разве что выглядел чуть более обшарпанным – вот и вся разница с центральным районом.

Меня не посадили в клетку, за что организаторам сего мероприятия я могу сказать большое спасибо. Зато меня приковали к штанге на высокой стойке таким образом, чтобы я всё время стоял вполоборота к «зрителям» и судье.

С «моей» стороны в зале никого не было, кроме «защитницы», которая присоединилась к конвою в переходе и подбадривала меня своими сладкими речами. С противоположной стороны собрались все те «случайные» прохожие, которые оказались на улице во время конфликта с Чудиновым, а также глава рода Чудиновых с женой и несколько неизвестных мне людей. Этот ряд заканчивался столом, за которым сидел прокурор.

И это забавно. Получается, за всё то короткое время, пока длился весь этот фарс, я не увидел ни одного дружинника. Экспресс-опрос меня и, видимо, свидетелей провели помощники прокурора.

А ведь сегодня вечер воскресенья...

Какие все тут трудоголики.

Хочется верить, что, когда проводят следствия и судебные разбирательства между представителями одного сословия, подходят к этому делу более вдумчиво. А то придётся в корне менять судебную систему в империи, если все суды и разбирательства похожи на те, в которых мне довелось поучаствовать.

Послышался шум, и в зал спешно ввалилась большая компания. Княжич Новочеркасский со своим личным Слугой Георгием, тётя, братья и Вадим.

Увидев меня, Мари едва не бросилась ко мне со всех ног, но Вадим, державший её за руку, остудил её пыл. Арвин, встретившись со мной взглядом, бодро кивнул, намекая, что всё идёт хорошо. А братья... эти двое выглядели, как мрачные тени.

Подойти ко мне близким не дали, так что нам всего-то и оставалось, что играть в гляделки. Всем своим видом я демонстрировал уверенность, но грани не переходил – улыбаться буду, когда покончу с этой ситуацией.

В зал гордо вошёл судья в чёрной мантии, его сопровождал помощник в деловом костюме.

Я покосился на двустворчатые двери – главный вход в зал. Охранники прикрыли их. Хм... не успевают ни Софья, ни Оболенские.

Может, Троекурова и вовсе была ещё в Выборге, когда ей позвонил Арвин? Тогда может на самом деле опоздать.

Ну да ладно. И без неё справимся.

Помощник судьи попросил всех встать. Затем сам судья произнёс:

– Имею честь представиться, судья имперского суда Антон Маратович Грыжин. Я буду вести это заседание. Садитесь, пожалуйста.

А прошлый раз был «верховный судья дворянского имперского суда». Учитывая отсутствие дружинников, всё выглядит так, будто моё дело недостаточно громкое для более высоких инстанций.

Или же мне хотят показать, что в прошлый раз верные Канцлеру «дружинники» «случайно» проезжали мимо и взяли дело под свой контроль. И в итоге всё для меня обернулось хорошо. А сейчас дружинников нет – я посидел в вонючей камере, теперь вот в наручниках стою.

Ладно, к Форкху всё это. Вон Арвин руку тянет.

– Прошу прощения, ваша честь, – не дождавшись, когда его спросят, бойко заговорил мой друг. – Имею честь представиться, наследный княжич Новочеркасский, Артём Вениаминович Платов. Прежде чем вы начнёте, я хотел бы попросить вас немного подождать.

– Позвольте узнать причину вашей просьбы, ваше сиятельство? – нахмурившись, спросил судья.

– Его сиятельство Князь Выборгский хотел бы присутствовать на заседании. Ему есть, что сказать в защиту Аскольда Сидорова. А то вы так лихо устроили суд, что даже всех свидетелей опросить не успели, – хмыкнул Арвин.

– Протестую, ваша честь! – со своего места вскочил прокурор. Не получив возражений судьи, он повернулся к Арвину. – При всём уважении, ваше сиятельство, вся доказательная база собрана. Все свидетели опрошены.

– Все? – изогнул бровь мой лучший друг.

– Все, – решительно кивнул прокурор.

– А почему тогда не опросили меня? – с вызовом бросил Арвин.

– Вы были свидетелем конфликта? – опешил прокурор.

– Нет, – уверенно заявил княжич. – Но я могу засвидетельствовать, что Аскольд Игоревич – славный малый и мой хороший друг. Без причины он и мухи не обидит. Могу за него поручиться. Как, полагаю, и великая княгиня Тверская, и великие княжны Тверские, и великая княжна Казанская. Мне продолжать перечислять?

Я с трудом сдерживал улыбку. В голове крутилась лишь одна мысль: не только люди Канцлера могут устраивать фарс на суде.

– Не нужно, ваше сиятельство, – ответил судья мягко. – Суд понял вашу мысль и учтёт её при вынесении приговора. А теперь, с вашего позволения, мы начнём слушание по делу Аскольд Игоревича Сидорова.

– Позволяю, – важно махнул рукой наследный княжич. Никто из присутствующих в зале суда и близко не стоял к нему по статусу. – Но только не торопитесь сильно. Мы ещё ждём его сиятельство князя Выборгского.

Интересно, сможет ли Арвин и дальше тянуть время? Ведь спешка с судом нужна была именно для того, чтобы князя не успели среагировать.

А между тем прокурор зачитал обвинения и показания свидетелей. Если пересказать в двух словах – уважаемый и вежливый дворянин Чудинов беседовал с тремя Сидоровыми, а затем злобный Аскольд ни с того ни с сего врезал ему по лицу – после чего Чудинову сильно нездоровится.

Как именно проявляются симптомы нездоровья, прокурор не пояснил.

– Это то, что касается нынешнего преступления Аскольда Сидорова, ваша честь, – продолжил речь обвинитель. – Но, как вам известно, у Сидорова ранее уже был конфликт с представителем привилегированного сословия. Не далее как в прошлом месяце Сидоров превысил допустимые пределы самообороны и травмировал напавших на него, по приказу господина, Слуг рода Голиковых. Кроме того, у меня имеется информация о ещё одном конфликте между Сидоровым и дворянами.

– Расскажите нам подробности, – благосклонно кивнул судья.

– В начале августа прошлого года между Сидоровым и детьми одного дворянского рода произошёл конфликт. Сидоров напугал и унизил детей. Однако их отец, по причине чрезмерного великодушия, не стал обращаться в полицию. Но рассказал мне об этом в личной беседе и поклялся, что всё сказанное чистая правда. Я не прошу обвинять Сидорова по этому инциденту, потому и не называю имён. Однако готов поручиться, что это уже третий известный мне конфликт между Сидоровым и представителями привилегированного сословия. Ваша честь, прошу учесть этот факт при принятии решения.

– Ваше честь! Прошу учесть тот факт, что Аскольд – добрый парень. Я лично видел, как он переводил бабушку через дорогу! – вставил свои пять копеек Арвин. И ведь не соврал. Правда, это было в прошлой жизни.

Мы встретились с другом взглядами, и я приподнял указательный палец. «Обожди», а затем едва заметно кивнул в сторону моей официальной «защитницы».

В голове же у меня крутились совсем другие мысли. Всё-таки не совсем с пустыми руками играют люди Годунова. Вон раскопали историю из моего первого дня в этом мире. Накидывают на меня «грешков». А то, что эти «дети» дворянского рода убили предыдущего Аскольда Сидорова – ничего не значащие детали. Как и собственно то, что заявление на меня они не подали, потому что в своё время на них надавила Алиса, и отец этих «детей» дал великой княжне слово аристократа, что претензий ко мне не имеет.

После прокурора с речью выступала моя «защитница» Наташа. Говорила, какой я отличник учёбы, член учсовета, предприимчивый молодой человек и талантливый боец. Весь из себя – золото. И лишь после долгих соловьиных трелей очень кратко обозначила мою позицию по этому конфликту.

– По словам Аскольда Игоревича, у его сиятельства княжича Новочеркасского имеется аудиозапись разговора, сделанная во время конфликта, – закончила Наташа.

– Всё так! – вновь обратил на себя всеобщее внимание Арвин. – И там ясно слышна угроза изнасиловать одного прекрасного человека. Так что Аскольду ещё спасибо нужно сказать за то, что помог Георгию Максимовичу прийти в себя. Никто же не будет утверждать, что Георгий Максимович в здравом рассудке намеревался надругаться над достойной сударыней? – поигрывая аудиокассетой в руках, холодно произнёс княжич и окинул колючим взглядом всех присутствующих.

– Мы обязательно ознакомимся с содержимым, ваше сиятельство, – пообещал судья и отправил к Арвину пристава.

– Хочу уведомить вас, что копий у меня несколько. Одну даже оцифровали на всякий случай, чтобы не случилось утери столь ценных данных. И, ваша честь, надеюсь, вы хорошенько всё прослушаете, и нам не придётся включать запись на весь зал.

– Да, конечно, ваше сиятельство.

А нормально идём. Можем даже без Троекуровых и Оболенских справиться.

И едва в моей голове мелькнула эта мысль, как двустворчатые двери с грохотом распахнулись.

– Заседание уже идёт, ваша светлость... – услышал я чей-то жалобный голос.

И увидел князя.

Арвин говорил, что прибудет Выборгский...

Но в зал ворвался великий князь Тверской.

И он был в ярости.

Из голубых глаз летели искры; а густые светлые, почти золотые, волосы, бакенбарды и борода напоминали взъерошенную гриву льва.

Мужчина целеустремлённо шагал вперёд, а за ним по проходу развевался бело-золотой плащ.

За всем этим внезапно ворвавшимся ураганом я не сразу заметил Яну, Алису и четырёх телохранителей, появившихся в зале вслед за великим князем.

– Ваша светлость, что вы себе позволяете... – возмутился судья, однако под конец фразы его возмущение превратилось в робкое блеяние.

Великий князь увидел наручники на моих запястьях, и лицо его побагровело.

Я почувствовал волну зародыша Ауры, прокатившуюся по залу.

– Это что вы себе позволяете?! – прогремел он так внушительно, будто Перун из местных легенд самолично явился вершить правосудие. – Немедленно освободите Аскольда!

– По... какому праву вы требуете освободить преступника?! – взвизгнул судья и побледнел от страха.

– А по какому праву вы судите моего сына как простолюдина?! – прогремел Андрей Оболенский и встал рядом со мной.

Я не мог чувствовать жёву из-за артефактных наручников. Однако отчётливо чувствовал облако альтеры, собравшееся вокруг великого князя Тверского.

Э... Папа?

Глава 4

Софья Троекурова в сопровождении отца и трёх телохранителей быстрым шагом шла по коридорам здания суда. Она считала, что ей чрезвычайно повезло, что Артём Вениаминович, которого близкие друзья зовут Арвин, позвонил именно в тот момент, когда она была в аэропорту, а самолёт готовили к вылету. Повезло и в том, что днём она ездила с отцом по делам, а потом отец лично решил проводить её в аэропорт.

А узнав тревожные вести, вызвался вместе лететь в Москву.

И после всей этой череды везений будет особенно неприятно опоздать на заседание суда. Хотя даже если Аскольда признают виновным, Софья была уверена, что всё ещё можно будет переиграть.

«Помолвка с младшей княжной – дело громкое. Традиции на нашей стороне».

К тому же помолвка с девушкой её статуса должна уж точно сгладить негативный эффект от судебного разбирательства над Аскольдом в глазах членов комиссии. А значит, он точно станет личным дворянином!

Когда до дверей нужного зала оставалось несколько шагов, Софья испытала лёгкую тревогу.

«Не при таких обстоятельствах я хотела дать ему ответ».

– Его светлость князь Выборгский тоже тут, – донёсся до слуха Софьи удивлённый голос одного из дежурных.

«Тоже?» – зацепилась она за слово.

Тревога в душе девушки начала нарастать.

Дежурные вяло пытались объяснить князю Выборгскому, что судебное заседание уже идёт, но тот никого не стал слушать и сам решительно открыл дверь.

Софья не отставала от отца ни на шаг. Перешагнув порог зала, вновь прибывшие увидели странную картину – все присутствующие изумлённо перешёптываются, а Аскольд и великий князь Тверской стоят возле стола судьи. Сам же судья был бледен как полотно.

Софья мягко сжала запястье отца. И когда князь посмотрел на неё, кивнула на ряды скамеек, где сидели те, кто поддерживал Аскольда.

В этот момент обернулась Алиса. Наследница Оболенских выглядела чересчур потрясённой.

– Что происходит? – спросила Софья после быстрых приветствий. Она заняла свободное место возле сестёр Оболенских, а князь Выборгский, с серьёзным выражением лица, сел позади них.

– Эм... как тебе сказать... – напряжённо протянула Алиса. – Похоже, Аскольд – наш брат.

– Что? – изумлённо выпалила Софья и перевела неверящий взгляд на Аскольда.

Юноша молча стоял с невозмутимым видом у стола судьи. Когда Софья только вошла в зал, он искоса поглядывал на великого князя Тверского. Теперь он повернулся к «зрителям». Встретившись взглядом с Софьей и остальными, Аскольд улыбнулся и помахал рукой.

– То, что я и сказала, – вздохнула Алиса. – Это для всех стало неожиданностью. И для Аскольда, по-моему, тоже. После слов отца судья мог бы уже нас отпустить, но заартачился. Говорит, дело открыто и, чтобы официально его закрыть, нужен ритуал подтверждения крови. Но мы ведь в здании суда – здесь есть залы для слушания дел дворян, а там иногда проводят такие ритуалы. В общем, ждём, когда принесут артефакты.

«Подтверждение крови... – в ужасе метались мысли Софьи. – Аскольд – Оболенский? Как?! Как, чёрт возьми, это может быть?!»

– Скажи, мам, а ты что-нибудь знаешь об этом? – спросил Глеб у тёти Аскольда.

– Э... ну... – неуверенно протянула женщина, пряча глаза.

– Пожалуйста, Марина, если вам что-то известно, поделитесь с нами, – оживилась Алиса, сидевшая позади тёти Аскольда.

– Да известно мне немного... Роман моей сестры Кристины и Игоря – отца... видимо, теперь уж только Бори, закрутился быстро. Но буквально за неделю до их знакомства она рассказывала о «загадочном аристократе», который пару раз заглядывал в бар, где она работала... Ну... вы поняли. Он не назвал своей фамилии и не оставил никаких контактов. Лишь подарки и впечатления. Когда она узнала, что беременна, уже была в крепких отношениях с Игорем и паниковала, вдруг ребёнок не от него. Я... посоветовала ей забыть всех мужчин, которые были до Игоря. Да и выбора у неё особо не было, без помощи с ребёнком она бы не справилась.

– Значит, у меня появился старший брат! – радостный голос Яны прервал рассказ о прошлом, не совсем подходящий для ушей юных дев.

Софья напряжённо смотрела на родственников Аскольда. Чёрные волосы – у брата и тёти, тёмно-русые – у двоюродного брата. Ни у кого из троицы нет голубых, как ясное небо, глаз. Зато рядом сидят сёстры Оболенские – статные, высокие, светловолосые, голубоглазые.

С атрибутом «молния», в конце концов!

Хотя молнии Алисы и Яны «нормальные» – белоснежные, а не золотые, как у Аскольда.

«Проклятье! Кровь древнего рода проявилась в нём очень сильно! Но... может, всё-таки это ошибка? Но... я ведь чувствовала его странную силу... Наследие богов... Но... былины... простолюдин...»

– Соня, ты в порядке? Тебе нехорошо? – обеспокоенно спросила Алиса у лучшей подруги.

– А? Да... Да, всё нормально, прости.

– Судари и сударыни, всё внимание на сцену. Посыльный вернулся! – громко произнёс княжич Новочеркасский. Этот молодой человек явно наслаждался происходящим, отчего Софье было вдвойне обиднее.

– Ваше сиятельство, чаша истинной крови, – судья подвинул чёрную миску к краю стола, рядом положил принесённый нож. – Вы знаете, как проходит ритуал?

– Знаю, – твёрдо ответил великий князь Тверской и без промедления порезал ножом палец. Кровь закапала в миску. – Аскольд, сделай, пожалуйста, то же самое.

Человек, за которого Софья всей душой желала выйти замуж, не колебался ни мгновения. Чиркнул ножом по пальцу, кровь закапала в чашу и...

Над чашей застрекотали белоснежные молнии, порождённые общей кровью.

– Он Оболенский... – зашептались «зрители» из противоположной части судебного зала.

«Оболенский...» – обречённо подумала Троекурова.

– Не просто Оболенский! – громко объявил великий князь и указал на молнии из чаши. – Как видите, атрибут подтверждения поднялся высоко. Аскольд – мой кровный сын.

Бесшумной тенью Софья поднялась со скамьи и устремила к выходу, пока остальные глазели на беснующиеся в чаше молнии. Князь Выборгский, сидевший позади других, вместе с охраной поспешил за дочерью.

Мысли девушки путались, она сама не поняла, как оказалась в машине.

Хлопнула дверь, князь сел рядом.

– Поехали в аэропорт, – тихо проговорила Софья.

– Миша, в аэропорт, – велел князь и поднял звуконепроницаемую перегородку.

Машина тронулась с места.

Софья сидела молча, опустив голову.

– Скажи, доченька, что произошло? – как ни в чём не бывало спросил князь. – Ты что-то забыла в княжестве?

– Что произошло?! – вскинулась Софья. – Он – Оболенский!

– И что? Он ненаследный княжич. Зачем сразу отчаиваться? Вдруг отец позволит ему выйти из рода и создать свой собственный? Тогда вы поженитесь, у вас будет боярский род, как вы и планировали. Но род сразу будет очень силён за счёт поддержки двух княжеств.

Софья сжала зубы и обожгла князя гневным взглядом, а затем разрыдалась, сквозь слёзы проговорив:

– Антон Иванович, не делайте вид, что не понимаете, почему я... почему я не смогла больше там находиться. Почему я не могу больше стать женой Аскольда...

У князя Выборгского сжалось сердце, он обнял девушку за плечи и мягко произнёс:

– Объективно, я этого действительно не понимаю, Ваше Высочество. Лиза... Её Величество Елизавета не для того разыграла вашу смерть, чтобы вы потом были несчастны. Только боги знают, чего ей стоило повернуть всё это под носом у Годуновых... – князь покачал головой. – Но она желала вам только добра.

– Она сказала, когда вырастешь, найди себе дорогого человека. Простолюдина. Вместе с ним создай свой род, – процедила Софья, утерев слёзы. – Она хотела, чтобы я создала дубль рода Рюриковичей! Зачем? Чтобы вдали от Годуновых этот род набрал силу. Чтобы когда-нибудь уничтожил этих тварей!

Князь тяжело вздохнул и с сочувствием посмотрел на девушку. Десять лет... десять долгих лет он воспитывал дочь ныне покойного императора Ивана Рюриковича и своей давней подруги как собственную. Принять в род девочку не составило труда – это юношей принимают с публичным ритуалом подтверждения крови. А для девочки хватило присутствия самых доверенных ратников, да крови, взятой у старшего сына. Потом публично разыграли спектакль, мол, княгиня Выборгская обиделась на мужа за измену и на время переехала в другую усадьбу...

Но, разумеется, жена князя была в курсе происхождения Софьи. Она, как и Антон Иванович, тоже училась вместе с будущей вдовствующей императрицей. И была её лучшей подругой.

И всё это время семья Троекуровых пыталась одарить Софью теплом, сделать так, чтобы эта несчастная девочка чувствовала себя не беглой цесаревной, а любимой младшей дочерью...

Но всё же данное матери обещание Софья никогда не забывала. И чем старше она становилась, тем твёрже были её суждения. Долг велел Софье в тайне от Годуновых создать второй род Рюриковичей. Всем сердцем Софья ненавидела тех, кто уже четыреста лет терзает её род. Тех, кто убил её отца, когда пришла пора сажать на трон её старшего брата. Тех... кто мог бы избавиться и от неё, если бы не усилия матери.

– Ваша мать предлагала вам выбрать простолюдина лишь для того, чтобы за ним не стоял род, – не сдавался князь в попытках утешить приёмную дочь. – Чтобы никто со стороны не мог влиять на вашу семью так же, как Годуновы влияют на Рюриковичей.

– Она не могла вам такого сказать, – буркнула Софья.

– Поверьте, я хорошо знаю вашу мать, – мягко ответил князь.

– Знали раньше, – Софья поджала губы и упрямо отвернулась к окну.

«Я обещала маме... я... не могу выйти замуж за Аскольда».

В лице и всей фигуре Софьи было столько горя, сколько князь видел в ней лишь когда она была десятилетней девочкой и только-только попала к ним в дом. Он не мог смотреть на это спокойно и снова заговорил:

– Скажите, Ваше Высочество, а если мать освободит вас от данного обещания, если благословит на брак с Аскольдом, вы согласитесь? Если она скажет прямым текстом – выходи за Аскольда Си... Оболенского?

– Не знаю... – тихо прошептала девушка. – Тогда у моего рода не останется надежды ни на спасение, ни на отмщение. Хотя... – Софья усмехнулась. – Если вдруг род Годуновых будет полностью уничтожен, у меня не останется причин создавать второй род Рюриковичей.

– Пожалуй, встретиться и переговорить с императрицей даже в нынешних реалиях всё же проще, – тепло произнёс князь.

– Мне нужно время всё обдумать, – сказала Софья и тяжело вздохнула. Затем повернулась к князю и посмотрела на него с искренней благодарностью в глазах. – Прости за вспышку. И... спасибо за всё. Папа...

– Не стоит, доченька, мы же семья, – ответил князь Выборгский.

* * *

В московскую усадьбу великокняжеского рода Оболенских я отправился уже глубокой ночью. Сразу после суда я сделал один важный звонок по телефону, а затем поехал с тётей и братьями домой. Проверил охрану – после моего ареста она была усилена, всех успокоил, переоделся и двинулся в путь.

Можно было отложить поездку до завтрашнего утра, но внезапная смена моего социального статуса и фамилии требовала незамедлительных решений. Завтра уже вся империя будет знать, что в великокняжеском роду появился младший сын. Мы должны быть к этому готовы.

А заодно необходимо разобраться с истинной личностью моего местного папочки.

Хотя я на девяносто девять процентов уверен, кто это.

– Вас что-то беспокоит, ваша светлость? – произнёс Вадим с водительского сиденья. В машине мы были вдвоём – своих главных бойцов я оставил в усадьбе. Зато нас сопровождали пять автомобилей охраны, выделенные великим князем.

– Нормально всё, – вздохнул я, припомнив странный телефонный разговор. И бодро продолжил: – Можешь называть меня, как раньше.

– Я... подумаю, как будет лучше. Вы ведь теперь младший великий княжич Тверской.

– А ты, я слышу, рад этому, – усмехнулся я. – Готовься официально стать Слугой. Но не всего рода Оболенских, а моим личным. Поговорю со своим новым папенькой.

– Вы... хотите всё своё имущество и всех верных людей записать на себя? Уверены, что с этим не возникнет проблем?

– Не должно, – отозвался я.

Мы въехали на территорию усадьбы, машина остановилась возле главного крыльца особняка.

Слуга Оболенских резво открыл дверь.

– Добро пожаловать домой, ваша светлость, – поклонился он.

Я молча кивнул и быстро прошёл в холл.

Встречать меня, кроме дворецкого, вышли четыре сестры и папаша. Великой княгини не было, как и младшей дочери Оболенских.

– Привет, братец! – Яна широко улыбалась.

– Здравствуй, Аскольд, – с лёгкой улыбкой кивнула Алиса.

Близняшки стояли позади старших сестёр. Одна из них испуганно отводила взгляд, вторая молча кивнула и приобняла сестру.

Ну да... Маша же боится меня за то кровавое представление, что я устроил на шоссе.

– Девочки, нам с Аскольдом нужно серьёзно поговорить. А вам пора спать, спокойной ночи. Аскольд, прошу за мной, – произнёс великий князь и услужливо показал рукой направление.

Мы свернули налево и пошли по небольшому коридору.

– Как Надежда Григорьевна? Сильно сердится? – спросил я.

– Сильно, – вздохнул великий князь. – Но я не позволю ей перенести своё недовольство на вас.

Князь сам открыл дверь кабинета и любезно предложил мне войти первым.

– Прошу вас, садитесь, – он вежливо указал на кожаный диван.

Я и сел, а затем наблюдал странную картину – человек, несколько часов назад яростно ворвавшийся в зал суда, теперь ходил взад-вперёд передо мной, не решаясь начать разговор.

Наконец он остановился и посмотрел мне в глаза.

– Возможно... мои словам вам ничего не скажут и покажутся глупостью. Но когда-то давно я рассказал одному юноше легенду о синих четырёхкрылых птицах. Эти птицы находят свою пару и создают семью. Но когда один из пары умирает, второй остаётся безутешным. Но не бросается вниз, сложив крылья. Он летает по свету и помогает другим четырёхкрылым птицам обрести своё счастье.

Я почувствовал, как сердце сжалось, а к горлу подступил ком.

Первая мысль, возникшая в голове после того, как меня назвали сыном, и я почувствовал альтеру, была настолько нереалистичной, что я отмёл её почти сразу ещё в зале суда.

Передо мной не мой отец-император. Надеюсь, папа и дальше счастливо правит в Александрии, пока его сынок медленно покоряет отсталую планету.

Великий князь Тверской внимательно наблюдал за моей реакцией. В его глазах проступили слёзы. Он понял, что я узнал его.

– Я помню тот день, – улыбнулся я. – Четырёхкрылая синяя птица, когда-то передавшая моё письмо Элисандре, переродилась в новом мире и обрела счастье?

– Д-да... – прошептал великий князь Тверской и упал на колени, склонив передо мной голову. – Простите меня, мой принц, что сразу не признал вас. Простите, что заставил ждать, я...

– Я рад тебя видеть, Арсений, – тепло произнёс я.

Поднявшись, я обнял своего верного старого слугу, ухаживавшего за мной едва ли не с пелёнок.

Хотя в этом мире он не такой уж и старый. Да к тому же – великий князь Тверской Андрей Михайлович Оболенский. И мой местный биологический отец.

Глава 5

– Хватит стоять на колене, мой друг, – тепло проговорил я спустя минуту и отошёл от великого князя Тверского. – Присядь, Арсений. Расскажи, как ты тут обустроился.

– Я... я... – сдавленно прохрипел он.

– Всё в порядке, – ещё мягче произнёс я и ободряюще потянул князя за руку.

– Да, простите, мой принц, – тихо сказал он и встал с колен. – Эм... извольте чаю?

– Да, только себе тоже налей, – согласился я, чтобы дать Арсению время собраться с мыслями.

Спустя четыре минуты мы сидели на диване, а на журнальном столике перед нами стояли две тонкие фарфоровые чашки с ароматным напитком. Великий князь первым потянулся к своей чашке и сделал глоток. Я взял свою чашку в руку, дивясь тонкости работы мастера, и сделал глубокий вдох, наслаждаясь ароматом и предвкушая наслаждение от напитка. Каждый раз, когда я бываю в доме Оболенских, тут подают отличный чай.

– Ну? Как давно ты здесь? – повторил я свой вопрос. Всё-таки чай – это не главное, почему мы здесь сидим.

– С восьмого апреля две тысячи второго года, – со вздохом ответил Арсений, носящий в этом мире имя Андрей Михайлович Оболенский – великий князь Тверской.

– Ох... Стало быть, твой реципиент не пережил отравление?

– Вы уже знаете? – округлил глаза мой старый слуга. – Но откуда, мой принц? Откровенно говоря, это крайне секретная информация и...

– Алиса мне рассказала – с условием, что это останется втайне, – я поспешил успокоить собеседника.

– Ах, Алиса... – с облегчением выдохнул Арсений, а затем улыбнулся.

– Что это за странная улыбка?

– Радуюсь, мой принц, что и в этом мире вы остаётесь собой. Алиса девочка умная и ответственная, тому, кого плохо знает, она не разболтала бы семейный секрет. Стало быть, доверяет вам всем сердцем.

– Стало быть, – согласился я. – Арсений, я жажду подробностей, – мягким тоном я снова подтолкнул великого князя.

– Да, мой принц. Так вот, последнее, что я помню, так это то, как стоял у вас за спиной. Ваши слова «гордые сыны Александрии не сдаются!» ещё звучали у меня в ушах, когда я очнулся в чужом агонизирующем теле. Я бы умер, если бы не стал использовать альтеру. Воспоминания о первом дне в этом мире у меня смутные. Говорят, я почти не приходил в сознание. Затем Варя... моя целительница – вы её знаете, приехала в Тверь и помогла справиться с последствиями отравления. Я... был раздавлен, когда разум ко мне вернулся. Был в шоке... спрашивал про вас окружающих. К счастью, мои вопросы приняли за горячечный бред. Мне потребовалось время, чтобы осознать и принять нового себя. Параллельно пришлось решать насущные вопросы – что делать с отравителями... ну и тому подобное. Но я ни на минуту не переставал надеяться: «Вдруг кто-то ещё оказался в этом мире. Вдруг мой принц здесь!». Но как отыскать иголку в стоге сена? Я решил, что если вы действительно перенеслись в этот мир, то я с вами обязательно встречу. И встретить вас я должен не с пустыми руками. Я продолжил заниматься делами княжества, переделал «Алую Мудрость» под свои цели – я понимал, что вам потребуются молодые умы, если вы решите вернуться домой. Да... лучшие умы, невзирая на их социальный статус. Таких я искал не только среди учеников «Алой Мудрости», но и среди жителей княжества. А вместе с тем продолжал искать вас.

Арсений замолчал и погрузился в тягостную задумчивость, ему явно тяжело было вспоминать о своих поисках.

– Что-то случилось плохое за эти пять с лишним лет?

– А? Да... К своему стыду, я трижды ошибся! Трижды я радовался, видя в людях вас, мой принц! Я думал, это ведь точно не может быть местный житель, в нём, очевидно, переродился Его Высочество! Чувства переполняли меня каждый раз, когда я думал, что мои поиски окончены! Но при личной встрече меня ждало разочарование... Это были обычные земляне. Пусть и выдающиеся в той или иной сфере...

Слушая рассказ своего верного слуги, я будто испытывал его боль. Я примерил на себя, каково бы было моё разочарование, если бы я очутился в такой же ситуации. Если бы Арвин оказался всего лишь местным наследным княжичем Новочеркасским. А ведь я довольно быстро прошёл путь от «наверное, это Арвин» до нашего поединка и твёрдой уверенности «это Арвин». А если бы я какое-то время издали присматривался к нему? И всё это время собирал бы новые «улики» в подтверждение своей теории? Всё это время я сильнее бы убеждался в своей правоте.

А затем открываешь душу, и...

Облом.

И так трижды.

А ведь Арсений всегда отличался чувствительностью натуры.

– Главное, что в итоге ты нашёл меня, – мягко произнёс я и легко хлопнул по плечу одного из самых близких мне людей. – А ошибки... Ошибки – это бесценный опыт.

– Из-за этого опыта я начал думать, что только я перенёсся сюда, – горько произнёс он. – И из-за него, когда я услышал о простолюдине с вашим именем, который отказался от чести стать Слугой великокняжеского рода я... Я не позволил себе поверить в такое счастье... Я сомневался. Но велел присматривать за вами, собирать информацию. Но... Простите, мой принц, – из положения сидя Арсений низко опустил голову. – Мой страх перед очередным разочарованием заставил вас долго меня дожидаться. Если бы ещё тогда, во время осеннего бала, я поговорил с вами...

– Ничего бы не изменилось, – ровным тоном ответил я.

– Что? Почему? – встрепенулся Арсений.

– Хорошо, – вздохнул я. – Попробую объяснить. Если бы ты подошёл ко мне тогда, и мы узнали друг друга... Скорее всего, я бы всё равно отказался от чести стать Слугой Оболенских. Да, под твоим началом я мог бы примерить на себя этот статус. Тебе я доверяю, но... Кроме тебя есть и другие Оболенские. Вариант с личным Служением? Это странно, мне самому Служение не нужно. Принял бы я его только для того, чтобы обезопасить тылы – семью Сидоровых, перед дальнейшими свершениями. И что тогда бы получилось? Великий князь взял бы к себе в личные Слуги четырёх Сидоровых просто потому, что один из них занял второе место на вступительных экзаменах? Странно всё это. И... – я повёл рукой, – не хотелось бы мне быть ничьим Слугой. В общем, я бы отказался и продолжил бы развиваться по выбранному мной пути. С поправкой на то, что ты – великий князь.

– Я мог бы выдать за вас Алису! – горячо возразил Арсений. – Ситуация, в которой оказался род Оболенских: с отсутствием наследника мужского пола, в общем-то, позволяла это проверить. Но я потратил слишком много времени, убеждаясь, что Аскольд Сидоров – это не просто местный мальчишка, а вы, мой принц. Момент был упущен...

– Не кори себя, Арсений, – перебил я. – Я слишком хорошо тебя знаю и вижу, что за эти пять... Почти за шесть лет ты от души полюбил свою семью. Ты не смог бы использовать Алису как инструмент. Даже для своего принца.

– Но сейчас-то она сама жаждет стать вашей женой! – выпалил он. – Ну... до сегодняшнего дня так и было.

– Сейчас, возможно, да, – проговорил я. – После того как я сблизился со многими ребятами в лицее, после того как прошёл свой собственный путь. Но если бы ты признал во мне

принца империи Александритов в конце сентября и объявил бы Алисе, что хочешь её выдать за меня замуж, она была бы в шоке.

– Но, скорее всего, согласилась...

– Хватит, Арсений. Я лишь прошу тебя не вешать на себя несуществующую вину. Лучше расскажи о другой, куда более любопытной, части своей истории. Как это ты оказался моим биологическим отцом?

– Я начал догадываться об этом недавно, а убедился лишь несколько часов назад, – он обречённо покачал головой. – И за это мне тоже стыдно. Если бы...

– Арсений, Форкх тебя дерит! Как тут говорят, если бы у бабушки был...

– Я понял, мой принц, – произнёс он, поняв, что я не собираюсь заканчивать фразу. – В общем, ситуация такова. Я велел собирать данные о вас, присматривать за вами и помогать всеми силами, если попадёте в беду. Мои доверенные люди держали меня в курсе ваших подвигов. Я всё сильнее убеждался, что вы – это вы. И сильнее корил себя... Но, как я сказал, прийти с пустыми руками я не мог. Я решил, что вы хорошо справляетесь, и я приду к вам, лишь когда закончу то, ради чего отправился в Африку.

– Неужели ты там не ради земель воевал? – я не стал скрывать любопытства.

– Нет, Ваше Высочество, – он гордо поднял голову. – Пусть я и не знаю, существует ли на этой планете тайгий, я знал, что для преобразования его необходим камень с именем императорского рода.

– погоди, – я аж привстал с дивана. – Ты...

– Да, мой принц, – торжественно улыбнулся он. – Я смог захватить и удержать александритовые шахты.

– Ух ты... – я плюхнулся обратно на диван. – Ты... – взяв себя в руки, я серьёзным взглядом посмотрел на него. – Ты всегда верой и правдой служил мне, мой друг. Я никогда не сомневался в тебе и не буду сомневаться. Ты ждал меня долгих пять лет, не забывал меня и готовился к моему возвращению. Ты отлично постарался, мой друг. Будь уверен, александриты из твоей шахты нам потребуются уже в этом году.

– Спасибо... мой принц, – Арсений вскочил на ноги и поклонился в пояс.

– Садись, пожалуйста, и продолжай рассказывать.

Через тридцать четыре секунды, справившись с нахлынувшими чувствами, мой старый слуга вновь заговорил:

– Насчёт нашего кровного родства, мой принц... Получая отчёты о ваших успехах, просматривая некоторые записи ваших боёв и ваши фотографии, я как-то поймал себя на крамольной мысли. Ваша здешняя внешность похожа на мою. Я пытался заглянуть в память своего предшественника... Но там столько всего намешано, мой принц. Он был беспутным человеком. И женщин у него даже после свадьбы было немало. Его пьяный мозг даже не удосуживался запоминать их... От службы безопасности я получил фотографию покойной Кристины Сидоровой – матушки вашего биологического тела. Фотография была сделана незадолго до её смерти. Однако память предшественника никак на неё не среагировала. А после Нового года мне прислали более раннюю фотографию. И я вроде бы что-то нащупал в мутных воспоминаниях, но никакой конкретики. И всё же решил, что стоит проверить. И... простите меня за эту наглость, но, когда вы оказались здесь, в усадьбе, после того как защитили мою семью от наёмников, я экстренно велел взять у вас образец крови.

– А... помню, – кивнул я. – И? Это было больше двух недель назад. Кровь сохранила свои свойства?

– Да, – с жаром ответил он. – Я велел тайно привезти мне из Твери нужные артефакты и вчера, когда вернулся из Африки, всё проверил. Не прошло и часа после этого, как я узнал, что вас собираются экстренно судить и... Дальше вы знаете.

– Знаю, – усмехнулся я. – Ты ворвался в зал суда, как лев. Выглядел впечатляюще. Я даже на миг подумал, что действительно прибыл мой отец-император.

– Что вы, мой принц, я не заслуживаю таких сравнений! – залепетал он. – Его Величество на моём месте уж точно не допустил бы, чтобы вы оказались в таком положении!

– Ой да брось, он такой же человек, как и мы с тобой, – хмыкнул я.

– Он бы нашёл вас раньше, и вам не пришлось бы жить простолюдином! Я... я считаю, Аномалия несправедлива! Как такое могло произойти? Знаете, я предполагал, что вы, мой принц, могли переродиться в теле местного правителя. Это было бы хоть как-то подходяще вам по статусу. Я даже пытался вытащить российского императора на княжеский съезд. Да другие князья не поддержали, – поморщился он.

– Арсений, всему своё время и место, – со вздохом проговорил я. – Я совершенно не расстроен тем, что ты объявился только сейчас. Вообще не факт, что я пошёл бы в «Алую Мудрость», если бы был княжичем. Я бы точно не познакомился со своими будущими бойцами – ибо не шарился бы по улицам. А значит, не нашёл бы Архуна.

– Господин Архун тоже здесь? – обомлел мой старый слуга.

– Ага, – улыбнулся я. – Мастерит всякое у меня в усадьбе. И Арвин тоже тут, но об этом ты и так должен был догадаться.

– Да... – кивнул он. – После Нового года у вас появился новый друг, которого так и называли. Но тогда я не мог вернуться из Африки. А... больше вы никого не повстречали? – с надеждой в голосе спросил он.

– Только сарнита. Но не переживай, с ним покончено.

– Сарнита? Здесь, в Москве?

– Да.

– Я тоже встречал их. Одного – в ноябре, а другого – неделю назад. Обоих в Африке. Первый был наёмником, а второй – британским аристократом.

– Был? – уточнил я.

– Да, – решительно ответил Арсений. – С обоими покончено.

– Отрадно слышать. Но... британец... – я нахмурился и покачал головой.

– Новости из Британии приходят интересные, – понял меня без лишних слов верный слуга. – Если сарниты оказались там...

– Нам рано или поздно придётся с ними столкнуться, – ровным тоном ответил я.

– Мой принц, – голос Арсения зазвучал предельно серьёзно. – Скажите, вы рассчитываете подчинить этот мир?

– Подчинить? – усмехнулся я. – Нет. Скорее уж, объединить, – а затем уже я предельно серьёзно продолжил: – ТерраМатер погибла из-за того, что прогресс шёл практически равномерно в разных державах. И по всему миру появилось слишком много оружия, способного этот мир уничтожить. Наш новый мир похож на ТерруМатер. И я не желаю ему той же участи. С Архуном и нашими знаниями мы возглавим местный прогресс, Арсений. Кроме нас, не будет других равных нам точек прогресса. А значит, не будет противостояния, способного погубить мир.

– Вы... не рассматривали возможность не вмешиваться в естественное развитие этой планеты?

Я тяжело вздохнул.

– Я – принц планетарной империи, Арсений. Пусть в моём нынешнем теле и нет крови великих воинов-правителей, пусть нет крови Витязя Архея – мой дух полнится их стремлениями. Я не могу прозябать без дела. Но даже если бы я решил довольствоваться жизнью, теперь уже младшего великого княжича... Сарниты-то здесь. Вот они точно, дорвавшись до власти, не дадут этой планете спокойно развиваться. А значит, наш долг помешать им, – я сжал кулак, чувствуя, как закипает кровь от мыслей о том, что нас ждёт в будущем.

Хех... я сказал, что в этом теле нет крови великих воинов-правителей... Простите, предки Оболенские, был не прав. Пусть до рода Александритов вам далеко, но в этом мире, в этой стране ваша кровь дорого стоит.

– Мой принц, я проследую за вами по этому пути! – вскочив с места, Арсений выпрямил спину и, отогнув под прямым углом правую руку, поднял к небу кулак.

– Я принимаю твою решимость, воин, – встав напротив, я тоже изобразил Александрийское воинское приветствие, затем улыбнулся. – Но раз уж мы в новых телах, давай всё-таки по-местному, – после чего я приложил кулак к сердцу.

Глава 6

С Арсением в кабинете мы просидели всю ночь. Только ранним утром меня проводили в отведённые мне покои. Любопытно было наблюдать, как удивлённо округлились глаза Яны, когда она столкнулась со мной на лестнице. Сонная девушка в спортивном костюме спускалась по ступеням, а тут на тебе – Аскольд. Сон как рукой сняло, и на утреннюю зарядку моя новоиспечённая сестричка отправилась уже бодрой трусцой.

Как я и просил, служанка разбудила меня ровно в десять часов, с точностью до минуты. Умывшись и приведя себя в порядок, я спустился в столовую на совместный завтрак с «отцом». Яна с Алисой, как и положено прилежным ученицам, уже отправились в школу. Три младшие сестры занимались с домашним учителем в библиотеке.

Великая княгиня на глаза не показывалась.

– Нина, передайте, пожалуйста, её светлости Надежде Григорьевне, что я очень хочу лично с ней переговорить. Когда ей будет удобно, – вежливо попросил я одну из служанок.

– Да, ваша светлость, – с поклоном ответила она.

Арсений, который ковырялся в тарелке с кашей, посмотрел на меня глазами побитого пса, но ничего не сказал.

Мда уж... тяжело ему – отвечать за измену практически девятнадцатилетней давности, которую ещё совершил не ты, а предыдущий владелец тела.

Размышляя об этом, я вспомнил один из моментов нашего ночного разговора. Когда я спросил у Арсения, как восприняли члены семьи произошедшие в нём изменения.

– Разумеется, они заметили, мой принц. Но, честно говоря, мне кажется, они только обрадовались. По крайней мере, если брать обрывки воспоминаний предшественника и сверять их с моими собственными. Отношения в семье стали гораздо теплее. Хочется верить, что я смог стать для девочек настоящим отцом, а для Наденьки – любящим мужем.

Мне было приятно слушать, с каким теплом он говорил эти слова. Особенно учитывая, что на нашей родине Арсений пережил жену и сына. И больше собственного счастья там, подобно четырёхкрылой синей птице из его рассказов, не нашёл.

В завершение нашего завтрака почти одновременно приехали два юриста. Дмитрий Мохин – главный «московский» юрист Оболенских, и Женя Сигурский, работающий на меня.

– Господин, позвольте лично поздравить вас с изменением социального статуса, – поклонился Женя, когда мы встретились в кабинете «отца». – Простите, теперь нужно называть вас «ваша светлость».

Сигурский за короткий промежуток времени, что мы знакомы, успел доказать свой профессионализм, а моя Аура настолько его впечатлила, что в лояльности этого человека я почти не сомневался.

– Называй, как тебе удобно, – повторил я то, что уже говорил Вадиму. А затем мы с ним ещё раз обсудили, что нужно будет сделать.

Спустя три минуты в кабинет вошли Арсений с Мохиним, и началось уже общее обсуждение первоочередных дел. Изменение моего социального статуса необходимо официально задокументировать. «Отец» ещё вчера в зале суда попросил подготовить копии официального заключения, так что повторно проводить ритуал не придётся. Помимо всего прочего, нужно переоформить земли, которые я сейчас арендую у Морозовых и Волковых, усадьбу и кучу всего по мелочи.

Главный нюанс кроется в том, что всё моё имущество будем оформлять не на род Оболенских, а лично на меня. То есть другие члены рода никак не смогут претендовать на всё, что я нажил непосильным трудом. Разве что после моей смерти «отец» унаследует всё, или Алиса, если я переживу «отца», а затем всё это по умолчанию станет имуществом рода. Но умирать я

не собираюсь, а с выведенным в личную собственность добром мне потом будет проще выйти из рода Оболенских.

И вот когда с обсуждением всех юридических дел было практически покончено, в дверь осторожно постучались.

– Прошу прощения, ваша светлость, – чуть испуганно обратилась к великому князю служанка Нина, – но её светлость ответила на запрос о встрече с Аскольдом Андреевичем. Она хочет принять его прямо сейчас.

Арсений явно растерялся. Ведь у нас шло совещание с юристами, а тут такой финт.

– Отец, – проговорил я вкрадчиво, – мне кажется, основные вопросы мы уже обсудили? Могу я побеседовать с Надеждой Григорьевной?

– Хорошо, иди, Аскольд, – с явным облегчением ответил он.

Как же неловко Арсению играть роль моего отца. Во время ночной беседы он сам в этом признался:

– *Когда я называю вас «сыном», мне кажется, я порочу честь Её Величества. Вашей венценосной матушки.*

Эх, надеюсь, когда-нибудь мой старый слуга привыкнет к таким вывертам Аномалии.

Великая княгиня принимала меня всё в той же малой гостиной, в которой мы беседовали месяц назад. Тогда она благодарила меня за помощь в лечении, как теперь оказалось, моей самой младшей сестрёнки.

– Аскольд? Входи, – с кислой миной на лице произнесла Надежда Григорьевна и резким кивком указала на кресло.

Хм... перешла на «ты»? Очень интересно.

– Добрый день, ваша светлость, – я обозначил поклон и занял предложенное кресло.

– Слушаю. Что хотел?

– Прежде всего отдать вам это, – я достал из кармана бархатную коробочку. – Колье вашей бабушки.

– И? Что ты хочешь за него? – нахмурилась женщина.

– Ничего, – я пожал плечами. – Вы мне ничего не должны. Считайте, что я помогал своим сёстрам.

– Сёстрам... – процедила она. – Ну что ж, я принимаю твой ответ, – она пододвинула коробку к своему краю стола.

– Однако у меня есть небольшая просьба, ваша светлость, – продолжил я, внимательно наблюдая за реакцией собеседницы, – исключительно по-семейному.

Великая княгиня позволила себе скривиться, а затем ехидно выплюнула:

– Ну да, куда ж без этого. И? Я говорила тебе, что выполню твою просьбу, если у меня будет такая возможность, и я от своих слов не отказываюсь.

– А я говорю вам, – ровным тоном продолжил я, – что эта просьба не в счёт прошлых заслуг. А обычная сиюминутная семейная просьба. И, с вашего позволения, я её озвучу. Я хочу, чтобы вы простили его светлость за прошлые грехи. Не буду его оправдывать, говорить, что он не виноват, что плоть слаба. Но лично я за эту вину ему обязан своей жизнью. А вас я прошу вспомнить всё то хорошее, что в нём есть. Увы, я ещё плохо знаю его светлость, но слышал, что за последние годы он сотворил много добрых дел. Меня вы можете ненавидеть, сколько вам угодно, я стерплю это до тех пор, пока вы не причиняете вред моим близким. Но, пожалуйста, не держите зла на его светлость, – я склонил голову из положения сидя.

Через секунду вновь поднял глаза и посмотрел на великую княгиню. Она поджала губы и чуть отвела взгляд в сторону.

– Скажи, Аскольд, это он тебя послал?

– Нет, его светлость не хотел впутывать меня в ваши разногласия.

– Ты принципиально не называешь его «отцом»? – она снова повернулась ко мне.

– Нет. Просто не желаю огорчать вас.

– Можешь называть, – покачала она головой. – Ты... удивил меня, Аскольд.

– И ещё, ваша светлость, я хочу, чтобы вы знали. Я ни в коем разе не претендую на наследство моего отца. Мы уже обсудили, что после того как я помогу своему новому роду справиться с текущими проблемами и под началом князя запущу одно производство, я выйду из рода и создам свой собственный. Да, часть активов уйдёт со мной, но в долгосрочной перспективе великокняжеский род Оболенских окажется только в плюсе.

Не скрывая эмоций, великая княгиня округлила глаза от удивления.

– Ты... ты правда хочешь уйти?

– Когда я отплачу роду Оболенских за свою жизнь и всё добро, – улыбнулся я.

– А если отец предложит тебе возглавить род после него?

– Каким образом? Я ведь всего лишь младший сын.

– У его светлости вполне хватит ума предложить тебе жениться на Алисе. Да, близкородственные связи осуждаются. Но как раз в вашем случае подобное практикуют. А что касается чистоты крови – кровь Оболенских сильна, и один такой брак раз в несколько поколений никак не скажется на здоровье наследников.

– Если вдруг он предложит, я откажусь, – честно ответил я, но не стал говорить, что ночью Арсений уже предлагал мне подобное.

– Но, Аскольд... Ты ведь сам недавно спрашивал о возможности взять в жёны одну из наших дочерей?

– Я же сказал вам ещё тогда, я лишь проверял границы дозволенного, – улыбнулся я.

Великая княгиня продолжала смотреть на меня удивлённым взглядом.

– Скажу вам по секрету, – продолжил я, – есть одна девушка, на которой я очень хочу жениться. И она не носит фамилию Оболенских.

Надежда Григорьевна прищурилась.

– Соня, да? – догадалась она спустя две секунды. Я молча кивнул. – Поняла. Я постараюсь помочь тебе в этом вопросе.

– Благодарю, ваша светлость, – кивнул я, хотя был уверен, что повлиять на возможность нашего брака с Троекуровой великая княгиня не в силах.

– «Ваша Светлость», «Ваша Светлость», хватит уже. Чего ты заладил? Сам же сказал, что мы семья. Вот и зови меня мамой.

– Как скажете, мама, – усмехнулся я. – И по поводу наследования титула великого князя спустя много-много лет, – начал я, а женщина вновь нахмурилась. – Знаете, я искренне верю, что вы с отцом ещё подарите мне и сёстрам младшего братика. Правда, для начала вам следует помириться.

Великая княгиня не смогла сдержать смущённой улыбки.

– Какой взрослый у меня, оказывается, сын, – покачала она головой.

* * *

После обеда из школы вернулась Алиса, с которой я и столкнулся в столовой.

– О, привет, – улыбнулась девушка. – Так неожиданно видеть тебя дома.

– Не переживай, жить в вашей московской усадьбе я не собираюсь, – улыбнулся я в ответ.

– Отчего же? – чуть погрустнела моя «старшая сестрёнка». – Отсюда до «Алой Мудрости» рукой подать. Удобно же!

– Я уже обжился в своей усадьбе, – пожал я плечами.

– Жаль, – вздохнула она, но затем бодро продолжила: – Знаешь, сегодня в школе все только тебя и обсуждали.

– Могу представить, – хмыкнул я. – Поэтому ты так рано? Сбежала от сплетен?

– Нет, – смутилась она. – Просто решила отдохнуть от дел учсовета. Да и тебя с Соней не было, а без вас скучно.

Я почувствовал, как что-то кольнуло в груди.

– Софья Антоновна не вернулась из Выборга?

– Из Выборга? А, ну да, она же вчера после суда сказала, что нужно вернуться домой. Нет, почему-то они не улетели. У неё и князя появились какие-то важные дела в Москве.

На миг я задумался, вчера сразу после суда я звонил своей будущей супруге. Правда, разговор у нас получился весьма скомканный. Она сослалась на срочное дело, а я попросил позвонить, как освободится.

До сих пор не звонила, да и я был занят и не заметил.

– Надеюсь, скоро разберутся со своим завалом, – бодро произнёс я. – Ладно, Алис, нам с твоим отцом нужно ещё съездить на базу.

– С нашим отцом, – подняла указательный палец вверх «сестричка». Хихикнула, а затем посерьёзнула. – Что-то серьёзное?

– Ничего, просто знакомство с ратью рода, – равнодушно ответил я.

– Быстро ты, – одобрительно покачала головой девушка. – С ходу берёшь быка за рога.

– Я лишь хочу обезопасить всех членов моей семьи.

Простившись с Алисой, я вышел в гостиную. Удобно расположившись в кресле, достал телефон и без колебаний выбрал контакт: «Царица Троекурова».

Длинные гудки.

Долгие длинные гудки...

Трубку так и не взяла.

Выдохнув, я потёр переносицу. Вот и что это, Форкх меня дерит, такое? Нет, я, конечно, допускаю, что у Троекуровых могут возникнуть какие-то проблемы. Но... Как-то внезапно Софья сбежала из зала суда. И если бы они с отцом заранее планировали улететь обратно в Выборг после заседания – улетели бы. Насколько я понимаю, снегопада ночью не было. А раз не улетели, то что? Можно предположить, что пилот не ожидал полёта обратно и отправился отдыхать, а самолёт не успели подготовить к вылету, Троекуровы приехали в аэропорт, решили, что ждать не будут и отправились в Московскую усадьбу...

Всё как-то натянуто...

Софья расстроилась из-за того, что я Оболенский? Решила, что никто меня из рода не выпустит, и теперь страдает?

А почему тогда трубку не берёт? Она девочка рассудительная, хотя бы поговорить со мной удосужилась бы.

С другой стороны, рядом со мной Софья всегда ведёт себя несколько по-иному, чем с другими...

За всеми этими мыслями я не заметил, как оказался в машине на заднем сиденье рядом с «отцом». От водителя и телохранителя нас отделяла звуконепроницаемая перегородка.

– Скажи, у тебя хорошие отношения с князем Выборгским? – спросил я.

– Смею полагать, что неплохие, – кивнул Арсений. – Но близкими друзьями нас не назвать.

– А номер его телефона у тебя есть?

– Есть.

– Здорово, – я улыбнулся, а затем изложил своему старому слуге свою небольшую просьбу.

Глава 7

Московская военно-тренировочная база Оболенских располагалась в пяти километрах на восток от столицы. И представляла собой внушительного вида укрепления с административным зданием, бараками, тренировочными залами и ангарами для техники.

– Рады приветствовать вас, ваша светлость! – отсалютовали великому князю ратники, когда мы вышли из машины на территории базы.

– Вольно, – резко ответил великий князь Тверской. – Судари, сударыни, представляю вам своего младшего сына – Аскольда Андреевича Оболенского. Хочу, чтобы вы впредь относились к нему так же хорошо, как и ко мне.

– Есть! – гаркнули бойцы.

– Не смею вас задерживать, возвращайтесь к своим делам.

Командиры отдали приказы своим отрядам, и ратники, бросая в мою сторону любопытные взгляды, покинули плац.

С нами же осталась группа из пяти человек.

– Аскольд, позволь познакомить тебя с полковником Данилой Константиновичем Рысихиным, – великий князь указал на крупного мужчину с обветренным лицом. – Он управляет этой базой.

– Очень приятно, Данила Константинович, – я вежливо протянул руку.

– Для меня честь быть представленным вам, ваша светлость, – без какого-либо подобострастия в голосе пробасил полковник, отвечая на моё рукопожатие.

– Подполковник Руслан Львович Илюхин, – «отец» указал на высокого мужчину с колющим взглядом, – глава московского отдела службы безопасности.

Я вежливо поздоровался и с ним, а затем великий князь представил мне других членов группы: капитана Анатолия Семёновича Ивлева – личного помощника подполковника Илюхина, капитана Леонида Фёдоровича Дорохова – главу дознавателей, и единственную сударыню в этой компании – капитана Валерию Васильевну Заинину, которая занимала должность адъютанта начальника базы.

Примечательно, что все пятеро – потомственные аристократы, а не Слуги. Значит, некий дворянин Василий Заинин позволил дочери выбрать воинскую стезю, а не замужество. Помнится, Софья говорила, что и в военном университете иногда учатся девушки.

– Ваша светлость, изволите понаблюдать за тренировочным процессом? – спросил полковник, когда со знакомством было покончено.

– Может быть, позже, – покачал головой Андрей Оболенский. – Пройдёмте в штаб.

– Как пожелаете. Лера, распорядись, чтобы подготовили горячий чай.

Мы поднялись на второй этаж административного здания. Холл и коридоры выглядели отлично – ни пылинки, ни царапинки. Видно, что полковник тщательно следит за вверенным ему объектом.

Вся наша группа расположилась в просторном зале за огромным овальным столом. Великий князь, как и положено, сел во главе стола, я занял место по правую руку от него, напротив меня сел полковник Рысихин. Этот мужчина не нервничал, хотя, скорее всего, до конца не понимал, зачем именно мы приехали.

– Аскольд, тебе слово, – откинувшись на спинку кресла, произнёс «отец», тем самым исключив себя из беседы.

– Руслан Львович, я хотел бы взглянуть на протоколы допроса двух наёмников из «Белых клыков».

– Вас интересует выдержка из заключения? – не повёл и бровью глава московского отдела СБ.

– Максимально полный протокол, – ровным тоном ответил я.

– Одну минуту, ваша светлость. Толя, – он повернулся к помощнику, тот коротко кивнул и покинул помещение.

Вообще, отчёт по допросу пойманных нападавших на кортеж семьи Оболенских с пометками СБ у великого князя был, и я его уже изучил. Меня интересовало, есть ли что-то, что СБшники посчитали незначительным и в этот отчёт не включили.

Я наблюдал за реакциями офицеров. Подполковник Илюхин невозмутим, полковник Рысихин спокоен и самую малость отстранён, его адъютант же, напротив, с любопытством поглядывает на меня. Глава дознавателей выглядит заинтересованным.

– Данила Константинович, – обратился я к полковнику. – Скажите, лейтенант Рысихин кем вам приходится?

– Вы уже встречались с моим младшеньким? – оживился мужик. – Да сын это мой.

– Он очень похож на вас.

– Габаритами? – усмехнулся полковник. И тут же продолжил: – В остальном-то ему до меня ещё расти и расти.

– Вырастет, куда ж он денется, – улыбнулся я.

– Не каждому на роду написано стать полковником, ваша светлость, – серьёзно проговорил мужик, а затем бросил напряжённый взгляд на великого князя. Но тот молча попил чай, будто совсем не слушал наш разговор.

– Если очень захотеть, можно в космос полететь, – пожал я плечами.

– Для такого рывка одного желания мало, ваша светлость.

– Соглашусь, усилия нужно тоже прикладывать. И немалые.

– Как и ожидалось, ваша светлость, вы это понимаете, – сказал он без подобострастия в голосе. Обычная вежливость. Правда, за ней я уловил хорошо скрываемые нотки иронии.

Спустя четыре минуты вернулся капитан Ивлев и с поклоном протянул мне папку. Я погрузился в чтение её содержимого. В это время «отец» начал спрашивать полковника о снабжении, состоянии техники на базе... Без дотошной конкретики. Больше их разговор походил на светскую беседу двух аристократов.

Заметив, что я закончил изучение документов, великий князь замолчал, и над овальным столом повисла тишина.

– Скажите, Леонид Фёдорович, – обратился я к главе дознавателей. – В каком состоянии сейчас находится пленный?

Как было указано в документах, после допроса выжил только один.

– В удовлетворительном, ваша светлость. Недавно ещё был похож на овощное рагу с фаршем, но сейчас вроде ничего.

– Говорить может?

– Да, но не по-русски.

– Это я уже понял, – я кивнул. – Что ж, тогда хочу с ним побеседовать.

Дознаватель и начальник базы с адъютантшей округлили глаза. СБшники же сохраняли внешнюю невозмутимость.

– При всём уважении, ваша светлость, это может быть опасно, – осторожно проговорил Дорохов – дознаватель.

– С наручниками, блокирующими живую? – хмыкнул я. – Полно вам, капитан. К тому же из камеры его вытаскивать вам даже не придётся.

– Но в камере грязно. Обстановка там недостойна присутствия вашей светлости, – подала голос единственная присутствующая здесь сударыня.

– Валерия Васильевна, будто я в камерах не бывал, – отозвался я и обезоруживающе улыбнулся.

Все замолчали. Офицеры покосились на великого князя, а он делал вид, что не замечает их смятения.

– При всём уважении, ваша светлость, – пробасил полковник. – Чего вы хотите добиться этой беседой? Наши специалисты уже добыли из пленного всё, что возможно. Зачем *вам* с ним говорить?

Хм... ну вот, я отчётливо слышу скепсис. А то ж, пришёл папкин бастард, строит из себя матёрого перца...

– А вы считаете, я не имею на это права, полковник? – холодно спросил я.

Начальник базы напрягся, его помощница поёжилась, а Дорохов с Ивлевым на миг замерли. Лишь глава местного отдела СБ по-прежнему остался невозмутим.

– Нет, – тихо выдохнув, мотнул головой полковник. – Простите, ваша светлость.

– Вот и здорово, – улыбнулся я. – Но сначала мне нужно переодеться.

И вновь в глазах трёх офицеров отразилось изумление. А вот дознаватель, будто предполагая, что последует дальше, смотрел на меня с любопытством и восхищением.

Переодевался я в соседнем кабинете. Нужные вещи в усадьбу Оболенских мои ребята доставили ещё утром.

И вот через четыре минуты я вновь вошёл в зал совещаний.

– Ваша светлость, это... – округлил глаза глава базы.

– Ага, – ответил я, довольный произведённым эффектом, и погладил накладную бороду. – Тот самый наряд, в котором я сражался с этими наёмниками.

– Так вы один из бородачей? – восхищённо выдохнул дознаватель. – Мы все наслышаны о вашем вкладе в отражение нападения. Гадали, кто же именно из ратников входил в тот отряд. А вон как оно оказалось...

Как я и думал, о личностях бородачей тем, кто видел наши лица, запретили распространяться. А мы трое, оказывается, уже местные звёзды. Ну ещё бы, если бы не наше вмешательство, совсем не факт, что удалось бы сохранить жизни всем членам великокняжеской семьи.

Когда мы всей компанией шли по территории базы, ратники начинали удивлённо глазеть на меня и перешёптываться. Что ж, хороший результат. Как-то понемногу мне нужно получать очки репутации в глазах бойцов. Одного того, что я внебрачный сын их обожаемого великого князя – мало. Ну да, выиграл турнир – большое достижение, но...

Но тот факт, что я уже сражался с их товарищами бок о бок в смертельной битве – гораздо ценнее.

Темница располагалась в подземелье. Неприметная дверь скрывала лестницу, ведущую вниз. Всей честной компанией мы спустились к камерам. Сразу пахло сыростью и затхлостью.

– Вот здесь, ваша светлость, – дознаватель остановился перед пятой от входа дверью.

Я медленно выдохнул, отбрасывая лишние мысли. Прочувствовал Ауру, начал её потихоньку выпускать, крутанул в руке взятый с собой нож.

– Открывай, – произнёс я тихо. – За мной не ходить. И отключите запись, я стесняюсь.

Дверь со скрипом отворилась. Я увидел заросшего щетиной грязного мужчину в лохмотьях. Он поднял на меня глаза...

– А-а-а... – в ужасе заблеял прикованный длинной цепью за ногу пленник.

– Ну, здравствуй, – проговорил я, входя внутрь.

* * *

Я вышел из камеры через тридцать семь минут. Грязный, подуставший и без ножа. И первое что увидел – благоговение в глазах шестерых людей. Даже Арсений, который часто

раньше бывал под моей Аурой, проникся. Да чего уж, даже глава местной СБ, имевший раньше невозмутимый вид, теперь стоял, приоткрыв рот.

– Мне бы помыться, – улыбнулся я.

– Да, ваша светлость! Уже всё подготовили! – очнулся начальник базы.

Великий князь велел, значит. Ну да, он знает мои привычки. Хотя и не любит, когда мне приходится брать на себя роль дознавателя.

– Спасибо, – кивнул я. – И камеру убрать нужно.

СБшник и дознаватель уже успели заглянуть внутрь. Они люди привычные. И быстро соображают – раз уж единственную в нашей компании сударыню аккуратно оттеснили от распахнутой двери.

С вопросами ко мне никто не лез. Даже Арсений, который был в комнате, пока я приводил себя в порядок и переодевался. Правда, он рассказал, как «торкнуло» стоявших под дверью слушателей.

– Нужно было видеть лица офицеров, когда раздались крики, а из-под двери вырвались золотые молнии!

Примечательно, что великий князь, не скрывавший своих чувств, обращался ко мне по имени. Мы с ним договорились, что если я к нему не обращаюсь «Арсений», то и он не называет меня «мой принц».

Чистый и умытый я, вместе с великим князем, вернулся в зал совещаний.

– Ну, Аскольд, тебе удалось узнать что-нибудь новое? – церемонно спросил Андрей Оболенский, когда занял место во главе стола.

– Да, отец. Правда, очень немного. Наёмник припомнил, что однажды слышал телефонный разговор начальника своей группы – Джозефа Корга. Не то с информатором, не то со связным. Вроде как они должны были встретиться у башни с часами. А называл Корг собеседника «Валь». Хотя я думаю, это из-за акцента, и мне кажется, собеседник использовал имя «Валентин».

Когда я это рассказывал, оба СБшника стали записывать мои слова. А затем подполковник принялся уже мне задавать наводящие вопросы. Запись видео, как я веду допрос, послушно делать не стали. Да и не смогли бы, я сам для надёжности уничтожил висевшую там камеру видеонаблюдения.

– Ваша светлость, вы случайно не использовали диктофон? – спросил подполковник.

– Увы, нет, – с виноватым видом соврал я.

– А что-то ещё удалось узнать? – вклинился глава дознавателей, смотревший на меня теперь едва ли не с обожанием. Надеюсь, не попросит, чтобы я для его крохотного отдела провёл мастер-класс?

– Больше ничего нового, – на этот раз я не соврал.

– Ваша светлость, – глава СБ обратился к великому князю. – Если на этом всё, мы можем приступить к работе.

– Аскольд, тебе точно больше нечего сказать?

– Нет, отец, – отозвался я.

Новых сведений я подкинул СБшникам сущие крохи. Но знал я случай, когда и с меньшими зацепками удавалось распутать запутанный клубок.

Однако я очень удивлюсь и сильно порадуюсь профессионализму нашей службы безопасности, если им хватит условленного места встречи и, скорее всего, случайного имени, чтобы выйти на след сбежавшего две недели назад Гуру.

Ну пусть ищут. Я вообще рад, что вышел в люди не с пустыми руками.

Но основное блюдо я оставил на потом.

– Раз на этом всё, – посмотрев на захлопнувшуюся за СБшниками дверь, проговорил «отец», – Аскольд, не желаешь подробнее осмотреть территорию базы?

– С радостью, папа, – отозвался я.

Почти час меня водили по базе, знакомили с ратниками, показали вертолёт и три БТР, использовать которые в черте города Оболенские могут лишь в исключительных случаях.

В общем, я провёл время с пользой. Слух о том, что княжич лично сражался две недели назад на шоссе, разлетелся уже по всем уголкам базы. И, судя по всему, продолжит разлетаться среди ратников княжества, обрастая новыми подробностями.

Наконец пришло время уезжать. Мы попрощались с офицерами, сели в машину. Как и всегда, от передних сидений нас отделяла звуконепроницаемая перегородка.

– Ну как, понравилось?

– Да, Арсений, – проговорил я.

Утром вместе с вещами мне привезли устройство Архуна, так что мы незаметно проверили некоторые участки усадьбы и автомобили на предмет наличия «случайных» подслушивающих устройств.

– Что-то не так, мой принц? – напрягся мой верный товарищ.

– Либо пленник в ужасе и в помутнении рассудка сказал то, чего не было. Либо у тебя на базе имеются люди, которым совершенно нельзя доверять.

– Что вы имеете в виду? – насторожился великий князь.

– Про странного Валентина и башню с часами пленник сказал впервые. Считай, вспомнил чего не знал, – покачал я головой. – Но я даже уточнил у него. Вроде как этого он раньше никому не говорил. Зато, по его словам, раньше он упоминал куда более жирную зацепку. Бордель «Красный куб» или что-то в этом роде, по-русски он не особо понимает, как ты знаешь.

– Купол, – быстро поправил меня Арсений. И под моим вопросительным взглядом тут же дополнил: – Память предшественника вдруг отреагировала. И что же получается? Никаких упоминаний о борделе в отчётах не было.

– Вот и я говорю, – вздохнул я. – Либо на каком-то этапе информацию вычеркнули, либо нашему наёмнику привиделось, что он уже рассказывал об этом.

– Хочется верить во второй вариант, – нахмурился великий князь.

– Но мы-то с тобой понимаем, что, скорее всего, столкнулись с первым, – отозвался я.

Глава 8

«Моей жене Софье Александрит», – гласила едва заметная гравировка с внутренней стороны кольца.

Софья не сразу заметила её, обнаружив только на третий день после того, как Аскольд сделал предложение. Девушка часто надевала кольцо, когда никто её не видел. А в свободное время иногда его разглядывала. И крайне удивилась, когда впервые прочитала надпись, сделанную мелкими буквами.

«Каков наглец! Уже и имя рода придумал!» – подумала она тогда с восхищением. И даже не почувствовала обиды, что Аскольд выбрал имя рода единолично, не посоветовавшись с будущей супругой. В этом вопросе у Софьи не было предпочтений.

Ведь нельзя назвать новый род «Рюриковичи».

А имя «Александрит» звучало непривычно для русского слуха, чем сильно выделялось из общей массы.

Но Софья была почему-то уверена, что это имя подойдёт роду Аскольда. Да и ей, откровенно говоря, нравился выбор жениха.

Да, тогда она считала Аскольда своим женихом и будущим мужем. Пусть так и не дала ему прямого ответа, занятая размышлениями о том, что нужно сделать, чтобы сразу создать боярский имперский род, что попросить в приданое...

Софья Троекурова в очередной раз прокручивала в голове события минувших дней и вертела в пальцах дорогое сердцу кольцо, сидя на кровати в своей комнате в московской усадьбе князей Выборгских.

– Колечко на память, колечко... – тихо пропела она и уткнулась лицом в подушку.

Девушка не знала, сколько она просидела в такой позе – до тех пор, пока в чувство её не привёл осторожный стук в дверь.

Быстро спрятав кольцо под подушку, Софья, повысив голос, проговорила:

– Войдите!

– Доченька, это я, – сказал князь Выборгский за дверью.

– Входи, пап, я одета, – вздохнула девушка. Она сначала подумала, что это служанка, а тут сам князь.

Антон Иванович зашёл в комнату и скользнул взглядом по домашнему платью дочери.

– Соня, к тебе есть серьёзный разговор. Спустишься со мной в библиотеку?

– Хорошо.

Софья вместе с «отцом» молча спустилась по лестнице в холл, и, миновав коридор, вошла в небольшую библиотеку. На журнальном столике уже стояли две чашки с чаем и вазочка с фруктами. Князь жестом предложил девушке занять одно из двух кресел.

– Ты, главное – помни, доченька, – проговорил он, тепло глядя в глаза Софье. – Всё, что я делаю, я делаю ради твоего блага. Я твой самый надёжный союзник и желаю тебе только добра.

– Да, отец. Конечно, – кивнула Софья удивлённо. – Я никогда в тебе не сомневалась и не буду сомневаться.

– Вот и славно, – улыбнулся князь Выборгский. – А теперь вам стоит во всём хорошенько разобраться.

Он вернулся к дверям библиотеки, открыл их и подал кому-то знак.

Софья услышала шаги.

Отчего-то они показались ей очень знакомыми. Девушка встала с кресла.

Шаги приближались, и...

«Отец, как ты мог поступить так со мной?» – в ужасе подумала Софья.

* * *

Софья побледнела и смотрела на меня круглыми глазами, словно увидела Форкха во плоти. Право слово, будто бы я настолько плохо выгляжу... Глаза у неё с блюдце, ещё немного, и выскочат из глазниц.

А князь ничего, молодец, быстро ретировался, а главное – не забыл прикрыть за собой двери.

– Добрый вечер, Софья Антоновна, – улыбнулся я. – Прекрасно выглядите. Не видел вас будто бы целую вечность, очень соскучился.

– Аскольд Игоревич, какой неожиданный сюрприз, – Царица Лицея смогла быстро взять себя в руки. – Чему обязана такой чести?

– А вы не догадываетесь? – я чуть склонил голову набок. – Вы вчера так поспешно уехали, не отвечаете на мои звонки... Знаете, я волновался, вдруг с вами случилось что-то плохое.

– Сам великий княжич волновался обо мне! Я поражена, – упредев руки в бока, насмешливо проговорила она.

– Младший великий княжич, – с улыбкой поправил я.

– Ой, простите, ваша светлость, что допустила ошибку в вашем титуле! – выпалила Софья. – Вы-то к нему уже, видимо, привыкли, а для других он стал неожиданностью!

Да что с ней такое? Пытается грубостью от меня отстраниться?

– Ничего страшного, – дружелюбно произнёс я, а затем, игнорируя негодующий взгляд девушки, прошёл мимо неё и уселся в кресло. Взял чашку с чаем. – Вкусный чай, – резюмировал я, сделав небольшой глоток.

– Да какой, ко всем чертям, чай, Аскольд Игоревич! – воскликнула она. – Вы... Вы...

– Да, я стал Оболенским, – уже серьёзным тоном закончил я за неё фразу. – И для меня самого это событие стало потрясением. Однако оно не изменило моих глобальных планов, Софья Антоновна. Я всё ещё собираюсь создать свой собственный боярский род вместе с вами. От своих слов я не отказываюсь. Хотите верьте, хотите нет, но мой новообретённый отец относится ко мне примерно так же, как князь Выборгский к вам. Мы уже обсудили с великим князем Тверским, что позже я покину род Оболенских.

Софья удивлённо посмотрела на меня красивыми серыми глазами.

– Вряд ли он на самом деле относится к вам так же, как мой ко мне, – пробормотала она.

– Может быть, даже гораздо лучше, – усмехнулся я.

– Вам весело? – нахмурилась девушка.

– Смех продлевает жизнь. А я планирую прожить долгую и плодотворную жизнь, – мой взгляд скользнул по фигуре Софьи. Она стояла перед креслом, сложив руки на груди. Хм, а на безымянном пальце правой руки еле заметная полоска... Носит моё кольцо! – вместе с вами, конечно.

– А то, что планирую я, вас не интересует? – возмутилась Софья, но я уже не верил, что это возмущение искреннее.

– Очень даже интересует, – я вновь стал серьёзным. – Сколько бы я ни думал, я так и не нашёл ответа, почему вы избегаете меня после того, как я сменил фамилию. Даю вам слово, пока я жив, Оболенские не будут влиять на мои решения: ни относительно вас, ни кого-то или чего-то другого.

– Этого... мало... – прошептала она.

– Я не буду давить на вас, лишь бы прямо сейчас узнать причину ваших терзаний, – я говорил каждое слово, глядя в глаза Софье, а она не отводила взгляда, что радовало. – Я понимаю, что сковывать вас может только важная причина. И что вам нужно время, чтобы свыкнуться с моим новым статусом. И я дам вам это время, – я поднялся с кресла и подошёл к ней

вплотную так, что её дыхание шекотало мой подбородок. – Сейчас я планирую помочь моему новому роду справиться с текущими проблемами. А затем заложу экономическую основу для процветания нашего с вами будущего рода. До конца следующего лета я не стану тревожить вас.

– До конца следующего лета? – изумлённо выпалила девушка.

– Если решите сказать мне «да», буду рад услышать его и раньше, – улыбнулся я, глядя ей в глаза и борясь с желанием впитаться поцелуем в эти манящие губы. – И будьте уверены, как только вы мне ответите, сразу начнём планировать свадьбу. С нетерпением буду ждать этого момента. До встречи, моя императрица, – я поцеловал её в щёку и, не оборачиваясь, направился к дверям.

* * *

«Моя императрица? Он знает! Знает! Он видит меня насквозь! Понял, что не хочу расставаться с ним, дал мне время... Даже не потребовал никаких объяснений! А мне так мучительно было бы врать ему!

Стоп».

Прошло несколько секунд, как за Аскольдом захлопнулась дверь, Софья выдохнула и прикрыла глаза. Мысленно досчитала до десяти и упала в кресло, которое ещё совсем недавно занимал новоявленный младший великий княжич Тверской.

– Да уж... – задумчиво сказала она вслух.

«Откуда он может знать? Просто брякнул для красного словца. Может, хотел Царицей назвать, как в лицее называют, да оговорился... А может, и на самом деле просто комплимент...»

Софья потянулась к нетронутой чашке чая, взяла её в руки и сделала маленький глоток.

«Он не может знать. Но...».

Девушка устало улыбнулась.

– Спасибо, Аскольд, – тихо прошептала она.

«Он знал, что мне нужно сейчас. И дал это. Дал мне время. Почти полтора года... А ведь в следующем году мне на самом деле исполнится двадцать...»

* * *

– Знаешь, Аск, я тобой горжусь! – заявил Арвин, покачивая медовуху в кружке. – Выбрал старые добрые разборки и космодоспехи вместо девушки.

Стрелки часов приближались к полуночи. Какой только умник додумался поставить в моём кабинете этот анахронизм со стрелками, нет бы поставить нормальные электронные часы. Ну да дарёному коню в зубы не смотрят, как тут любят говорить.

– Отстань, – отозвался я. – Не вместо. Просто раз уж так вышло, то добыча тайгия и всё из этого вытекающее – первым делом. Смысл мне сейчас давить на Софью? Чтобы она взбрыкнула и отказала? Форкх его знает, что у неё на уме.

– Первым делом, первым делом, космодоспехи, – запел невпопад Арвин. – Ну а девушки?.. Всё-всё, молчу. Не смотри на меня так.

– Я думал, стану дворянином, начну не спеша искать тайгий, потом добывать его... А в итоге планы резко поменялись, когда нужный участок леса выставили на аукцион, а Софья сделала мне предложение, – произнёс я, отпив медовухи. – Точнее, не поменялись, а ускорились, – продолжил я размышлять вслух. – Цель стала чуть ближе. А теперь? Благодаря Арсецию она стала ещё ближе.

– Арсений... – покачал головой Арвин и расплылся в счастливой улыбке. – До сих пор не верится, что он тут оказался намного раньше нас! Ещё и спит с красавицей великой княгиней! Оп... молчу! Что ж ты сегодня такой недобрый?

– Вполне добрый, – хмыкнул я, вспомнив, как несколько часов назад, когда мы с великим князем Тверским после посещения базы отправились в мою усадьбу, произошла жаркая встреча Арсения, Архуна и Арвина. А когда мы только зашли в дом, я вскользь представил главу рода Оболенских своим домочадцам. Восторга в их глазах было ещё больше, чем когда я привёл домой настоящую целительницу.

– Аск, не грусти! – вновь подал голос мой дружбан. – А то хвост не будет расти.

– Я не грущу, а размышляю о перспективах.

– Это правильно, раз уж ты изолировал себя от дамы сердца, только это и остаётся.

Я хотел уж в очередной раз сказать ему пару ласковых слов, но Арвин неожиданно серьёзным голосом спросил:

– Скажи, Аск, ты уверен?

– В том, что поступил единственно верным образом? Нет. Но к Форкху терзания, от них нет толка.

– Я не о том. Из того, что ты мне рассказал, и, вспоминая, какой Софья была ошарашенной во время суда – я думаю, ты сделал правильно. Пусть остынет девчонка, поймёт, что ей нужно, чего ждать, чего хотеть. Посмотрит, в конце концов, как ты будешь вести себя в новом статусе. Я о другом, Аск. Ты уверен, что она в конечном итоге сделает тот выбор, который ты от неё ждёшь? Что не свернёт по пути? Не найдёт за эти полтора года утешения в объятьях какого-нибудь шофёра на заднем сиденье княжеской машины... Не смотри на меня так грозно! Хорошо-хорошо, признаю, сказанул лишнего... В общем, не встретит кого-то другого?

– Я уверен, что она станет моей женой, – твёрдо ответил я. – Что бы ни случилось, – а затем в голове не к месту всплыл образ Эллисандры. Тяжело вздохнув, я добавил: – По крайней мере, пока мы оба живы, ничто не помешает нашему браку.

– Тьфу, какой-то ты хер депрессивный! – махнул кружкой Арвин. Несколько капель медовухи выпрыгнули из кружки, но мой друг ловко поймал их обратно.

– Я недепрессивный, – усмехнулся я. – И уж точно не хер. Просто иногда хочется немного расслабиться. И в твоей компании это получается лучше всего.

– Оу, только в моих силах расслабить нашего златоглавого принца? Все ниарийки, должно быть, сейчас писаются от зависти.

– Увы, мы этого не узнаем, пока не покинем эту планету, – улыбнулся я.

– Но и на этой планете полно мастериц, которые тоже умеют расслаблять уставших принцев, – подмигнул Арвин. – Поехали в бордель?

– Похоже, завтра на небе откроется дверь, и из неё выйдет Форкх, – покачал я головой.

– Можно подумать, я первый раз тебя зову в бордель, – хмыкнул княжич. – Ну? – и смотрит на меня с такой хитрецей в глазах...

– А поехали, – обломал я его.

– Эм... Погоди? Ты должен был заявить что-нибудь в духе: «Как можно! Я обручён с самой прекрасной женщиной в мире! Мои чресла принадлежат только ей! Ну и ещё немного целительнице». Ну? Давай, говори это!

– Нет, – я отгнул головой и усмехнулся. – Ты предложил бордель? Вот и поехали в бордель! Или что? Откажешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.